

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

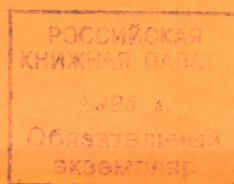
**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 100

В.А. ТИШКОВ

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИИ**

**Москва
1996**

ISBN 5-201-00869-0(9)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 100.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова
Д.А.Функ

Материалы серии отражают точку зрения авторов и
могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы
обязательна

По вопросам приобретения материалов
обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail ANTHPUB@IEA.MSK.SU
fax: (7-095) 938-06-00

К выходу 100-го номера "Исследований по прикладной и неотложной этнологии"

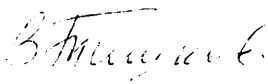
Издание с 1990 года Институтом этнологии и антропологии РАН серии "Исследования по прикладной и неотложной этнологии" представляет собой примечательное явление в российской этнологической науке и в деятельности ИЭА РАН. Через это издание проявилась одна из значительных перемен последнего периода, а именно - более активное обращение исследователей к современной тематике, усиление интереса к наиболее общественно-значимым проблемам и расширение поля воздействия науки на политический процесс.

Усилиями исследователей ИЭА РАН, а также ряда других научных центров России в изданных работах были проанализированы вопросы этнического состава, миграций и новых диаспор, этнополитическая ситуация в республиках и регионах России и в ряде других государств бывшего СССР, этнонациональные движения и конфликты, современные этнокультурные процессы. Публикации данной серии нашли широкое признание среди ученых и политиков. Эта репутация основана на добротности и точности этнологического анализа, который прежде всего опирается на полевые исследования.

География серии имеет ряд приоритетных регионов с наиболее сложным комплексом этнических проблем и конфликтной формой их проявлений. По Северному Кавказу опубликовано 13 исследований, по российским автономиям - 29, в том числе по республикам Урала и Поволжья - 12, по проблемам северных народов - 8, по Средней Азии и Казахстану - 11. В 10 исследованиях освещается опыт межэтнических взаимодействий и этнической политики в ряде государств так называемого "дальнего зарубежья" (США, Китай, Мексика, Испания, Югославия). Публикуемая на обороте таблица дает представление о тематике и географии издания.

Особую благодарность хочу выразить к.и.н. Н.А.Лопуленко и заведующему полиграфическим участком В.М.Маршанову, благодаря высокому профессионализму и энтузиазму которых во многом осуществляется это издание.

Ответственный редактор серии

В.А.Тишков.

	Кавказ	Ср.Азия и Казахстан	Север	Сибирь	автономии	бывшие сов. республики	области	СССР	Урал и Поволжье	Зарубежье
этно-демография					33	94, 98	17, 81, 86, 87	2, 15, 32	75, 77-80, 81, 87	15
юридич.антропология			43							3-6, 53, 97
этно-экономика	3, 44		43, 96							
этнополитология						57		12, 29		4-6, 5-6, 6-6, 84
диаспоры						8, 13, 22	6, 19, 30, 55, 82, 93	2, 27	88	
малочисл. народы			4, 7, 16, 23, 35, 43, 54, 96	35, 92						3-6, 53, 97
нац.меньшинства						82, 98				91
этнополит. ситуация	1, 45, 47, 48, 49, 68, 70, 72, 76,	26, 40, 50, 90, 94,	67, 83	39, 46	37, 38, 42, 61, 64, 65, 69, 71, 74	14, 22, 25, 57, 60, 82,	30	58	59, 62, 63, 66, 67, 73, 75, 77-80, 88	1-6
межнац. и межэтнич. отношения	3, 49	9, 10, 11, 24, 40, 50, 51, 90, 94	16	39, 18	18, 33, 34, 37	8, 13, 20, 22, 36, 52, 57, 60, 82, 98	6, 17, 30, 55, 81, 82, 86, 87,	85	41, 77-80, 81, 87	
общие пр-мы			54					12, 15, 29, 85		2-6
этноконфликтология		9, 10, 24, 26, 40			18	57	86	85		84
этногр.гр-пы						21	58	28, 58		
этноконфес. пр-мы		31			56		19			
русские		51, 94			95	36, 52			41	
этнокульт. пр-мы	1, 3, 5, 47, 48, 89		4, 7, 23, 35, 54	92	38, 42, 46	8, 13, 21, 60	6, 19, 30, 55, 82, 93	2, 27, 32, 58	88,	
этносоциальн пр-мы				35		98	81, 86, 87		81	

ТИШКОВ Валерий Александрович

Институт этнологии и антропологии РАН

г. Москва

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

TISHKOV, VALERY. CONCEPTUAL EVOLUTION OF THE NATIONALITIES POLICY IN RUSSIA.

Since mid-1980th, along deep societal transformations, serious doctrinal changes took place in the domain of ethnopoltics. Legacies of the Soviet regime influenced seriously responses of experts and governments to ethnic challenges. This report provides analysis of a search for new approaches to the nationalities policy since the Gorbachev's *perestroika* up to most recent times. This analysis is based on a broad theoretical knowledge and personal political experience of the author.

О доктринальном наследии и первых поисках нового подхода

За последние годы в отечественной и зарубежной научной литературе и публицистике появилось большое число работ о природе этнического фактора и его политических проекциях в современной истории России. В данном случае меня больше интересует доктринальная сторона вопроса, или то, что я называю политической концептуальностью. Политическая концеп-

туальность - это своего рода система элитных предписаний, которая вырабатывается учеными, политиками и просвещенной публицистикой, чтобы через эти предписания в виде доктрин, концепций и программ осуществлять гражданскую миссию, утверждать свой статус, отправлять власть и управлять обществом. Тексты законов, силовые институты государства и нормы морали

являются недостаточными для управления обществом, ибо только верхушечные предписания (своего рода образ обладания "истинным знанием", или "верным учением") придают их "производителям" авторитет, необходимый для обретения последователей и коллективной мобилизации. Осуществление власти (в ее универсальном понимании как способность определять социальное пространство других) через формулирование концептуальных предписаний имеет особое значение для формирования общественных (политических, этнических и других) коалиций и для консолидации Аппарата как совокупности участников управления, включая политиков, чиновников и экспертов.

Советское общество как общество прежде всего идеологическое было перегружено политической концептуальностью и разного рода предписаниями, без которых было бы невозможно жесткое регулирование представлений и поведения его членов. Неслучайно самым массовым отрядом отечественных общественных ученых были и остаются философы, чьи интеллектуальные усилия направлены исключительно на концептуальный уровень (метадискурс), на формулирование и оперирование такими глобальными категориями, как *цивилизация, общество, стадия развития, народ, нация, национальный характер и национальная идея, аскеза, миссия, судьба* и т.п.

В свое время представители марксистско-ленинской философии осуществили масштабную узурпацию в отношении дисциплины этнологии и социально-культурной антропологии. Все, что касалось изучения и объяснения этнической политики, функционирования этнических общностей и их взаимодействий определялось как "теория нации и национального вопроса", а научная дисциплина - этнография самоограничила себя преимущественно

эмпирическими, внутригрупповыми описаниями, особенно после того, как рождающаяся советская этнология была объявлена "буржуазной" наукой, а этнологический факультет МГУ был закрыт в 1931 году. Концептуально-терминологический аспект теории нации имел особое значение, ибо он непосредственно проецировался на саму основу государственности и характер взаимоотношений Центра и периферии. В лексике ученых и политиков в течение десятилетий утвердились настолько прочные категории-демиурги, что выражение каких-либо сомнений насчет их содержательной адекватности вызывали жесточайшее неприятие даже в условиях начавшейся идеологической либерализации.

Когда во второй половине 80-х годов начался процесс переосмысления концептуальных основ экономики и социологии общества, сфера межэтнических отношений в теоретическом плане оставалась похожей на ледяную глыбу, охраняемую армией бдительных сторожей, построивших свои академические и политические карьеры на основе старых классификаций. Даже имевший вкус к теоретико-методологическим построениям академик Ю.В. Бромлей отреагировал на мое предложение пересмотреть понятие нации в пользу ее гражданского, а не этнического содержания почти паническим замечанием: "Ну это тогда будет полный хаос!" и опубликовал свою последнюю перед смертью статью о понятии-терминологических проблемах, которая в несколько модернизированном виде защищала господствовавшую парадигму¹. Что же говорить о профессиональных пропагандистах теории национального вопроса, которые встретили новые вызовы этнических проблем и конфликтов "установочными" статьями в центральных газетах под привычными заголовками и с еще более привычными подходами².

Еще в период деятельности первого Съезда народных депутатов СССР и вскоре после XXVIII съезда КПСС мною была опубликована в газете "Правда" статья, в которой подвергался сомнению сам принцип построения государства и его внутреннего устройства на этнической основе и высказывалась мысль, что в условиях развития демократии и стремления к суверенитету советские республики в этом смысле не могут категоризироваться как "национальные (читай - этнонациональные) государства", как это было определено Конституцией СССР 1977 года и охотно поддерживалось "центральными" теоретиками, а также интеллектуальной и политической элитой "коренных наций"³.

О стойкой инерции мышления свидетельствовал, например, принятый в 1990 году Съездом народных депутатов СССР закон "О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР". Непонятно что означающее "национальное развитие граждан" (видимо, имелось в виду этнокультурное), а также выделение некой категории жителей страны без "своей" государственности при том, что государственность на всех уровнях провозглашалась от имени всех граждан, было мало профессиональной манипуляцией через старую фразеологию найти ответ на новые проблемы и политические требования. Хотя цель при этом преследовалась вполне достойная: защита прав и культурных запросов граждан, проживающих в доминирующей инокультурной среде, но только грамотно выразить эту ситуацию правовым текстом прежний доктринальный багаж не позволил. Здесь, к сожалению, не на должной высоте оказались и отечественные правоведы, также разделявшие парадигму этнонационализма и

лексику "национального самоопределения" в этническом варианте.

Еще более разительным примером саморазрушительной логики понимания государства стала внешне малопримечательная, но крайне знаменательная поправка депутата-поэта Евгения Евтушенко к тексту президентской присяги, которую принимал Съезд народных депутатов СССР в 1980 г., будущий президент должен был присягать не "народу", а "народам" своей страны. Получалось, что в доктринальном плане страна не имела определения своей гражданской общности: вместе со словом "советский" из лексики ушло и слово "народ", а категория "нации" уже была прочно зарезервирована только за этническими общностями или "этносомами". Внутренняя эмоционально-ценностная легитимность государства (а она столь же необходима для государства, как конституция или международное признание) в такой ситуации становилась крайне уязвимой. Зато поэты, оказавшиеся в роли законодателей, считали свои поправки, по признанию самого Евтушенко, "высшим жизненным достижением".

В тогдашней ситуации инерционного догматизма какие-либо серьезные переоценки были фактически невозможны. Со страниц "Правды" уже прозвучало грозное предупреждение одного из партийных теоретиков национального вопроса, профессора Э.В.Тадевосяна, что "некоторые осмеливаются подвергать сомнению даже сам принцип национальной государственности". Однако кое-что в те годы все же удалось сделать. В резолюции по проблемам межнациональных отношений XXVIII съезда КПСС, которую поздно ночью 5 июля 1990 года после заседания секции "Национальная политика КПСС" в кабинете заведующего отделом ЦК КПСС Вячеслава Михайлова мы писали вместе с эстонским академиком Виктором Пальме, термин

“нация” вообще не был употреблен, а целью национальной политики впервые вместо традиционной фразы об укреплении дружбы народов и развитии интернационализма определялось всяческое содействие и создание условий для свободного развития и обеспечения прав граждан, принадлежащих к национально-культурным общностям⁴.

Это была первая попытка провести в официальном документе мысль, что права гражданина выше прав нации. Именно тогда в выступлении на съезде мною было сказано о вмонтированном в общественное сознание и в государственно-правовую практику страны доктринальном этнонационализме, который “проявился в объявлении одних народов нациями, других - народностями и национальными группами, в создании иерархии национальных государственных образований с центром, через который насаждался русскоязычный официоз, в дележе народов на коренные и некоренные со своей и не своей государственностью, в государственной фиксации национальной принадлежности граждан, причем только по одному из родителей...”⁵

В “эпоху Горбачева” основной водораздел все-таки прошел не между идеями гражданского нациестроительства и этнонациональной государственности (для этого просто еще не пришло время!), а между сторонниками “совершенствования” старой доктрины и энтузиастами радикального осуществления ленинско-вилсоновского принципа государственного самоопределения этнонаций. Последний вариант так называемого “упразднения империи” инициировался и поддерживался частью столичных интеллектуалов и политиков и почти всецело элитой большинства союзных республик. Этот вариант был подкреплен мощным авторитетом академика А.Д. Сахарова, который предложил утопический проект

конституции “Соединенных государств Европы и Азии”. Согласно этому проекту все 53 национально-государственных образования должны были стать равноправными, суверенными государствами. Вере в упразднение последней империи способствовало также неверное прочтение международно-правовых документов и норм о самоопределении народов в форме образования самостоятельных государств. Как известно, поддержка национально-освободительных войн и движений долгое время входила в арсенал советской внешней политики и ее внутреннее пропагандистское обеспечение было огромным. Хотя на самом деле самоопределение допускается только в контексте деколонизации и только для народов как территориальных сообществ, а не этнических общностей⁶.

Именно под лозунгом “упразднения империи” произошел распад СССР и образование новых 15 государств, в том числе Российской Федерации. Все государства, кроме России, объявили себя “национальными государствами”; Россия объявила свой суверенитет от имени “многонационального народа”. В доктринальном плане это был триумф, а точнее - последняя месть именно ленинской национальной политики и всей 70-летней практики “национально-государственного строительства”, важнейшим компонентом которой был этнический национализм, т.е. представление о нации как высшем типе этнической общности, на основе которой, якобы, только и может быть построена “нормальная” государственность⁷.

Со стороны политиков понятие нации как многоэтнической государствообразующей общности в момент распада СССР отсутствовало, уступив место этнонациональной идее. Представление о гражданской нации было робко признано только в Литве и лишь

несколько лет спустя не менее острожно - в Казахстане и Украине, а в самое последнее время - в Латвии и Эстонии. В Латвии, например, несмотря на возведенный в ранг государственной политики этнонационализм начинают серьезное обсуждение вопроса о политической нации и приглашение на дискуссию по данной теме мною было получено от коллег из Латвии летом 1996 года. "23 сентября 1996 года, в программе НТВ "Герой дня" избранный на второй срок президентом страны Ленарт Мери сказал, что "в Эстонии одна нация - это эстонские граждане". Это означает, что категория эстонской гражданской нации включает в себя всех неэстонцев, в том числе и этнических русских, имеющих гражданство.

В России на этот счет была полная сумятица, среди которой рождались по сути противоположные доктринальные представления. Если в плане реформирования экономики и политической демократизации с приходом Правительства Егора Гайдара, не без дискуссий и ошибок, но все же стра-

тегически верно был взят курс на глубокие преобразования, то в сфере национальной политики бал правили импровизация и амбиции. Ответственная международная экспертиза этой сферы преобразований не была обеспечена по ряду причин. Ситуация казалась пороссийски уникальной и слишком деликатной для внешних советов. Что же касается внешних советчиков, то и среди них слишком была сильна формула "распадающейся империи" и искус продолжить закрепление победы либерализма через возможные новые самоопределения был слишком велик. Мало кто из западных экспертов осмеливался тогда высказываться по поводу опасностей растущего периферийного национализма в России и в то же время почти все жестко осуждали аналогичные явления в других постсоветских государствах, особенно если они были связаны с деятельностью представителей русскоязычного населения или так называемых "пророссийских сил" (Приднестровье, Крым, Южная Осетия, Абхазия).

Этап импровизаций и реактивной политики

В Российской Федерации разработкой и осуществлением национальной политики занялись больше политики, чем ученые. Именно они столкнулись с неожиданным "парадом суверенитетов" и жестким торгом со стороны автономных республик за рассредоточение полномочий центральной власти в пользу прежде всего "национально-государственных" образований. В свою очередь, чтобы обеспечить поддержку периферии в тот момент российское руководство во главе с Борисом Ельциным делало политические уступки и проводило политику, руководствуясь не концепцией государство-строительства, а критической по-

требностью укрепления собственной власти. Именно поэтому были сделаны многочисленные заявления, а также конкретные шаги в сфере национальной политики, которые были спорными, с точки зрения утверждения в стране демократического порядка. В частности, преобразование автономных областей в республики (Адыгея, Горный Алтай, Карачаево-Черкесия и Хакасия) на территориях, где большинство жителей или самую большую этническую группу составляли русские, было сделано чисто по советской модели. Молодая российская политика плохо представляла себе, как в условиях демократии, гражданского равно-

правия может функционировать этно-территориальная автономия с такими границами и с таким идеологическим наследием. Узурпация власти в пользу титульного меньшинства или одной из титульных групп была неизбежна, что позднее и произошло, особенно в Адыгее и Карачаево-Черкесии, где титульная элита более образована и более искусна в политических манипуляциях и где статусно-этикетные отношения, а также собственническо-предпринимательская ориентация проявляются сильнее, чем среди южно-сибирских народов.

В 1991-1992 годах в сфере регулирования взаимоотношений Центра и республик больше всего было сделано тогдашним Верховным Советом, в том числе его Палатой национальностей, в состав которых вошло большое число неноменклатурных лидеров разных национальностей, а также ряд активистов радикальных националистических движений. Именно тогда, в апреле 1991 года, был принят закон "О реабилитации репрессированных народов", который исходил из благородных демократических порывов и насущных нужд незавершенной реабилитации, но который по своей идеологии был ущербным и конфликтогенным. Его субъектом были не граждане, непосредственно пострадавшие от репрессий, а коллективные тела под названием "репрессированные народы", в отношении которых должна была быть восстановлена "историческая справедливость". Закон сочиняли и лоббировали люди малосведущие в этнических и правовых материях или же отчаянные активисты из числа репрессированных народов, использовавшие болезненную память и воспаляющую риторику для собственного политического утверждения в Центре или для расширения своей власти на местах. Закон ставил нереализуемую цель "примирить прошлое" за счет новых несправедливостей

и территориальных манипуляций, никак не учитывающих социальный статус современных граждан, который во многих случаях среди представителей репрессированных народов был не ниже, а в ряде аспектов (жилье, материальный доход, образование) - даже выше, чем в целом по стране или у других групп местного населения. Закон не учитывал изменившуюся за послевоенные десятилетия демографическую, экономическую и политическую ситуацию на местах, не говоря о реальных возможностях государства осуществить материальные компенсации.

Энтузиасты полной реабилитации и "исправления" прошлого были и в президентских структурах, откуда, кстати, поступили в Верховный Совет весной 1992 года законопроекты о разделе Чечено-Ингушетии и Карачаево-Черкесии, еще раньше прошла зафиксированная официальным документом договоренность Бориса Ельцина с Гельмутом Колем о воссоздании Республики немцев Поволжья (именно так с заглавной буквы как состоявшееся государственное образование было записано в тексте документа) на территории, где проживало не более двух процентов российских немцев и куда они особенно и не стремились возвращаться, несмотря на непримиримую стратегию лидеров российских немцев водрузить флаг собственной государственности, чтобы "не чувствовать себя полу-нацией", как сказал мне однажды один из лидеров российских немцев Генрих Гроут.

Своего рода покровителем этнического самоопределения как средства политической демократизации выступала помощник Президента Галина Старовойтова, чья предыдущая работа в Институте этнографии АН СССР внушала новой власти надежду на профессиональную политику в национальном вопросе. Именно с участием Ста-

ровойтой поощрялся радикальный национализм и процесс "декоммунизации" в этнонациональных образованиях, включая замену власти "партократа" Завгаева властью "демократического" генерала Дудаева в Чечено-Ингушетии осенью 1991 года. Правда, последняя операция была осуществлена с участием более мощных политических фигур - Геннадия Бурбулиса, Руслана Хасбулатова, Михаила Полторанина.

Наиболее значительными свершениями бывшего Верховного Совета стали выработка Федеративного договора, подписанного в Кремле 31 марта 1992 года, и разработка "Концепции государственной программы национального возрождения народов Российской Федерации", которая в ее окончательном виде так и не была утверждена как официальный документ, но широко пропагандировалась как первая концепция национальной политики новой России. Что касается первого документа, то его содержание относится больше к фундаментальной проблеме взаимоотношений Центра и субъектов федерации, хотя, как известно, республики подписали отдельный вариант договора, две из них (Татарстан и Чечено-Ингушетия) не подписали вообще, а одна (Башкирия) подписала с особым протоколом-приложением. Можно по-разному оценивать Федеративный договор, но, на наш взгляд, это был прежде всего важный политический акт, снявший нарастающее напряжение внутри государства и заложивший много полезного в процесс утверждения подлинного федерализма в России. Для нас же в данном случае интересен вариант договора с республиками, который имел отношение к выработке доктринальных основ национальной политики, хотя далеко ее не исчерпывал, как этого хотелось бы тогда многим лидерам российских республик, склонным сво-

дить национальную политику только к своим взаимоотношениям с федеральными органами власти и к объему обладаемых полномочий.

Главной чертой этого документа было то, что он как бы вводил в правовое русло то "низовое" творчество, которое отразилось в текстах деклараций о суверенитете, принятых в республиках, где, наряду с полезными новациями, были записаны формулировки, противоречащие действующей конституции. Федеративный договор вводил само понятие "договоренности" и важный принцип делегирования властных полномочий, а также их совместного пользования, тем самым признавая важнейшую основу любой, а тем более федеративной, государственности, что власть рождается снизу в результате общественного договора. Для многоэтнического российского государства с системой территориальных автономий у наиболее крупных нерусских народов это имело особое значение.

В равной мере немаловажен был факт подтверждения более высокого статуса республик с элементами государственности: собственные конституции, законы, парламенты, верховные суды, символика. Господствующая доктрина интерпретировала этот более высокий статус по сравнению с другими субъектами федерации исключительно этническим фактором: республики - это национально-государственные образования в отличие от других двух типов субъектов Федерации - административно-территориальных (краев и областей) и национально-территориальных (округов). Именно так комментировал Рамазан Абдулатипов текст Федеративного договора во всех его изданиях, в том числе в 1994 году, когда из конституционного языка уже исчезла эта малопонятная типология, и в самом тексте договора ее также не было⁸. Но это скорее была дань инерции мышления и

уступка республиканскому национализму, который основывался на метафоре “национальной государственности”. Аналогичной терминологией продолжал, кстати, пользоваться и сменивший меня Министр по делам национальностей Сергей Шахрай, хотя как юрист он чувствовал лучше существующее фундаментальное противоречие и в строгих случаях (выработка текста Конституции, указов Президента) занимал гораздо более аккуратную позицию, если не считать его вклад в легитимизацию казачества.

Что касается “Программы национального возрождения”, разработанной в Совете национальностей с участием широкого круга ученых-специалистов, то этот документ содержал много полезных и актуальных положений, особенно по части социально-экономических, демографических и культурно-языковых проблем, но в своей концептуальной основе был архаичным и противоречивым⁹. Уши тривиального этнонационализма торчали уже в самом понятии “национального возрождения народов”, учитывая, что советский режим вкладывал огромные ресурсы в конструирование этнонаций и поддержку этнических культур. Документ узурпировал такие ключевые для любого государства общегражданские понятия, как “национальная культура”, “национальная консолидация”, “национальные интересы” в пользу составляющих население страны общностей - народов (этнических групп) и повторял старые советские клише (например, “национальное образование” в смысле не российское, а групповое, “национальное сознание” в смысле не государственное, а как этническая идентичность) или вводил несуразные категории, как “национальные интересы народов”, “национальные реалии” и т.п. Но главное - документ был пронизан алармистской и в принципе - антиреформаторской риторикой, неадек-

ватно оценивающей в основе своей благоприятное (насколько это позволял общий уровень развития всего государства) состояние в стране этнических культур, носителям которой гораздо более настоятельно требовались социальная модернизация, а не “национальное возрождение”, а тем более этнический партикуляризм, нацеленный на ложную идею создания самодостаточных ниш для этнических общностей в рамках единого государства.

Тупиковая идеология, амбиции и недостаточный профессионализм новых российских парламентариев также не позволили выработать и какие-либо законы в сфере регулирования межэтнических отношений. В Комитете по делам межнациональных отношений ВС РФ, возглавлявшимся Николаем Медведем, был рожден законопроект о правах меньшинств, по которому получалось, что особой поддержкой и защитой в стране, в том числе и в соответствующих республиках, должны были пользоваться, скажем, не коми, чукчи или карелы, ибо они уже обладают статусом “коренной нации”, а любые другие, в том числе, скажем, русские, украинцы, азербайджанцы, армяне, социально-культурный и политический статус которых даже в этих республиках был и остается заметно выше, чем у представителей “коренных наций”.

В Комитете по малочисленным народам, в который вошли некоторые лидеры северных народов, преграда на пути принятия закона о правах коренных, малочисленных народов была создана необдуманно попытками перенести в текст закона политическую риторику Международной декларации о правах аборигенных народов, которая отечественными учеными и политиками воспринималась как высшая норма, но на самом деле она была результатом лоббирования организаций индейских и арктических народов раз-

витых западных стран, в которых (кроме Норвегии) сама эта декларация до сих пор не ратифицирована. В России, где все население нуждалось и устремилось по пути улучшения социального бытия и где ресурсодобывающая промышленность составляет основу национальной экономики и сосредоточена в зонах преимущественного проживания малочисленных народов, текстуальное копирование подобных подходов, особенно в вопросах владения землей и ресурсами, изначально было безнадежным делом. Нужно было искать компромиссный вариант, к чему законодатели пришли только спустя несколько лет. Кроме

этого, все тот же примитивный взгляд на коллективные права этносов создавал конфликтогенную идеологию закона, согласно которой не образ жизни, который ведет гражданин, а кровная принадлежность становилась источником прав: русский старожил-охотник или якут-оленеvod под действие закона не попадали, а писатель-чукча, живущий в Петербурге, или нанайка-ученый, живущая во Владивостоке, попадали. Осознание всех этих концептуальных тонкостей потребовало значительного времени и долгих дискуссий не только среди политиков, но и ученых, обеспечивающих экспертную подготовку законодательных текстов.

Первая концепция и ее судьба

В феврале 1992 года я был приглашен на работу в Правительство Российской Федерации в качестве председателя Государственного комитета по национальной политике. На предварительной беседе 24 февраля Президент Борис Ельцин высказал пожелание о необходимости разработки концепции национальной политики в России. Российские власти в тот период были заняты прежде всего реализацией структурных экономических и политических преобразований в стране. Этнический фактор и вопросы национальной политики не были центральными, хотя конфликтные ситуации, особенно кризис во взаимоотношениях с Татарстаном и попытка явочной сепарации в Чечне, создавали давление на федеральные власти и требовали более эффективного управления этой сферой общественной жизни. В правительственных и экспертных кругах начинался процесс изживания радикально-демократической идеологии перед лицом жесткой реальной политики, осознания глубины и последствий произошедших геополитических перемен и

даже поиск адекватных терминов и категоризации вновь возникших ситуаций и явлений. Концептуализация политики в ситуации быстрых перемен и неизбежного политического творчества представляется хотя и трудным, но необходимым делом: общество не могло жить старыми нормами, но и для принятия новых всегда существует определенный предел, не говоря о том, что это новое нужно придумать, сформулировать и предложить в понятной и приемлемой форме.

Едва ли было разумным и возможным в 1992 году начинать концептуальные переосмысления с публичного сомнения по поводу самого термина "национальная политика" (а значит и названия министерства), который есть одно из глубоко укоренившихся советских клише. С ним мы продолжаем жить и в 1996 году, приняв новую Концепцию государственной национальной политики, о которой речь пойдет ниже. Дело в том, что по моим собственным убеждениям (тогда их не разделяли даже мои ближайшие помощники по министерству и коллеги по научной

профессии), "национальная политика" - это политика осуществления национальных интересов государства. Именно так это принято понимать во всем мире. Внутренняя политика государства в отношении этнических общностей и межэтнических отношений обычно называется этнической политикой (ethnic policy) или политикой в отношении меньшинств (minority politics). В России такой радикальный переход был пока невозможен, и мною был принят термин "национальная политика", внутренне понимаемый как политика в отношении российских национальностей. Понятие "национальностей" (во множественном числе) представляется мне до сих пор как достаточно широкая и вполне понятная категория, уже вошедшая в международный лексикон применительно к территории бывшего СССР, а также стран Восточной Европы и, отчасти, Китая. Поэтому, например, в переводе на английский язык термин "национальная политика" должен переводиться и действительно переводится профессионалами как "nationalities policy", а не "national policy". По этой причине я считаю более удачным последующее изменение названия возглавлявшегося мною ведомства как Министерства по делам национальностей. Тогда же, в первой половине 1992 года, этот вопрос только был поднят мною в разговоре с Сергеем Шахраем и его заместителем по Главному правовому управлению при Президенте Российской Федерации Анатолием Сливой.

Работа над вариантом концепции национальной политики была начата Миннацем России весной 1992 года с достаточно ограниченными кадровыми ресурсами и содержательными наработками и представлена на заседании Правительства под председательством Бориса Ельцина 30 июля 1992 года. Судьба этого документа и самого заседания с позиции сегодняшнего дня

выглядят достаточно драматично и заслуживают более точной исторической оценки, чем это было сделано авторами ряда публикаций на эту тему.

Во-первых, о содержании самого документа. Язык концепции, включая базовые категории, был намеренно избран наименее спорным и конфронтационным, оставляющим поле для дальнейших доктринальных поисков и стратегий в радикально преобразующемся государстве. Вместо терминов "нация" и "меньшинства" были использованы не менее легитимные и достойные понятия "народы", "национальностей" и "этнокультурные общности" как синонимы без категоризации конкретных народов как наций, народностей или национальных групп, чем грешило российское обществознание, а вслед за ним - и политика. Учитывая, что только 47 процентов представителей нерусских народов проживают на территории "своих" республик, было предложено рассматривать полем национальной политики всю территорию государства, а ее субъектом все этнические общности (народы), включая русских, ибо последние также воспроизводят свою культуру и имеют в некоторых регионах, особенно в республиках, достаточно сложные проблемы, требующие внимания со стороны государства. Именно поэтому впервые в аналогичных документах появился специальный раздел о проблемах русских, в том числе и за пределами России., Сегодня это уже стало политической аксиомой, но в 1992 году положение было несколько другим: когда при проводах молдавского президента Мирче Снегура (после состоявшейся летом в Москве встречи глав государств СНГ) я задал осторожный вопрос о возможности введения молдавско-русского официального двуязычия в Молдавии, присутствовавший при разговоре первый заместитель министра ино-

странных дел России Федор Шелов-Коведяев бросил в мой адрес недоброжелательную реплику: "Вы что выступаете против демократической политики нашего государства?". Кстати, введение официального двуязычия в этой стране могло предотвратить появление сепаратизма в Приднестровье.

Как некая общая формула национальной политики для многоэтнической России была предложена идея "единства в многообразии" или политики культурного плюрализма: государство, власть и ресурсы как на федеральном, так и на других уровнях не являются собственностью той или иной этнической группы. Центр, включая властные институты и культурно-информационное пространство, должен отражать культурную мозаику всего государства. В республиках власть и распоряжение ресурсами (в широком их понимании) не могут быть узурпированы представителями только титульной национальности и также должны отражать многоэтнический состав своего населения. Именно поэтому проект концепции содержал рекомендации в адрес федеральных властей по расширению представительства нерусских народов и культур в центре страны, в том числе организацию вещания на языках других крупных народов страны (татар, чувашей, бурят, чеченцев и других) и даже их визуальное присутствие на экранах телевизоров (дикторша Александра Буратаева появилась несколько позднее). Кстати, на заседании Правительства тогдашний куратор СМИ вице-премьер Михаил Полторанин по этому поводу бросил реплику "Ну, это взорвет всех русских!" и вообще предложил принять два варианта концепции: один для публики, другой - для закрытого пользования.

И все же основным в проекте концепции был раздел, посвященный дальнейшему развитию федерализма в России, имея в виду децентрализацию

власти в пользу субъектов федерации (в данном случае - республик). Существование и укрепление этнотерриториальных автономий всегда рассматривались мною как важнейшие механизм и стратегия национальной политики, ибо их наличие в СССР, России и в других странах, проявило себя как реальный институт сохранения групповой целостности и защиты прав и развития культур народов, пребывающих в составе большого многоэтнического государства. Правда, сам термин "автономия" (достаточно достойный и широко употребляемый в мире) в документе не присутствовал чисто по политическим соображениям: в российских республиках поспешили от него избавиться как от уничижительного, ибо в бывшем СССР существовал еще более высокий статус союзных республик.

В связи с этим попытки приписать тогдашнему Госкомнацу и мне лично позицию упразднения республик являются беспочвенными. Они были вызваны скорее всего упрощенным восприятием, а также намеренной дезинформацией, которую стали распространять противники инициативы Госкомнаца. Достаточно привести цитату из открытого письма Президенту Борису Ельцину, с которым обратился Рамазан Абдулатипов в апреле 1994 года: "Помню, как Вы в свое время резко отозвались о концепции национальной политики тогдашнего Госкомнаца, которая строилась на отказе от национального принципа формирования субъектов Федерации. Более того, концепцией предусматривалось объявить из Москвы вместо наций какое-то согражданство. Вы справедливо оценили такой подход как объявление войны внутри России"¹⁰. Ничего подобного со стороны Президента при обсуждении концепции высказано не было, о чем свидетельствует и стенограмма заседания правительства.

Неточная интерпретация концепции могла возникнуть и по причине того, что в проекте предлагалось расширение прав территориально-административных образований (краев и областей) до уровня прав республик, но это было продиктовано тем обстоятельством, что децентрализация власти и наделение ею местных сообществ позволяют более чувствительно реагировать на запросы и потребности граждан, в том числе и этнокультурного характера. При соответствующих полномочиях и ресурсах огромная доля проблем межэтнических отношений, сохранения и развития местных традиций и культур может и должна решаться на уровне краев и областей и даже местных общин. Именно поэтому в концепции были изложены также положения о необходимости развития местного самоуправления (принятый к тому времени Закон о местном самоуправлении носил крайне ограниченный характер). При этом сильное местное самоуправление рассматривалось мною как не менее эффективный, чем федеральная власть, механизм ограничения снизу нарождающегося всевластия региональных этнических элит. Эти два момента в проекте концепции не могли не вызвать недовольства некоторых лидеров республик, еще далеко не закончивших упорный политический торг за ограничение полномочий Центра и укрепление собственной власти. "Такой Госкомнац нам не нужен", - сказал тогда на одном из официальных заседаний президент Якутии Михаил Николаев.

Важной новацией концепции было предложение рассматривать в качестве не менее важной стратегии национальной политики (наряду с федерализмом в форме этнотерриториальных автономий) политику национально-культурной автономии, столь рьяно осужденную большевиками и развенчанную в сотнях публикаций специа-

листов по марксистско-ленинской теории национального вопроса. Даже в 1992 году этот термин вызывал неприязнь у многих моих коллег - ученых и политиков; с инстинктивной подозрительностью относились к нему и республиканские лидеры и эксперты, подзревая в этом возможный подкуп под систему национально-государственных образований. И все же в предложенном документе достаточно четко определялись императивы и приоритеты экстерриториальной автономии как важнейшей формы государственной политики поддержки и развития культур и учета интересов и прав граждан, связанных с их этнической принадлежностью, в стране, где административные, границы далеко не совпадают с ареалами расселения народов, не говоря уж о крупных многоэтнических городах, в которых проживает почти половина россиян. В предложенной концепции национально-культурная автономия понималась значительно глубже по сравнению с вариантами прошлых эпох, учитывались также достижения других стран в этой области, о чем речь пойдет в следующем разделе.

В конечном итоге на заседании Правительства 30 июля концепция не была принята, но и не была отвергнута. Президент, настроенный до заседания негативно к документу (Галина Старовойтова и Рамазан Абдулатипов специально беседовали на эту тему с Борисом Ельциным), изменил свою позицию и уж, по крайней мере, это был действительно, по замечанию Геннадия Бурбулиса, "первый по настоящему государственный разговор на важнейшую тему". Не будь этого документа и его обсуждения в 1992 году, вполне возможно, что не было бы более грамотной записи в Конституции 1993 о республиках как государствах, а не "национальных государствах". Не было

бы более адекватного восприятия проблем русских за пределами России и корректив в деятельности российских ведомств, в том числе МИДа, уже в 1992 году. Причем, восприятия не в духе ультра-патриотической пропаганды или утопических проектов репатриации, которые гуляли тогда по коридорам российской политики, а в духе приоритета местной интеграции и обеспечения полноправия русских по своей этнической принадлежности жителей новых государств. Не были бы внесены принципиальные коррективы в тексты законопроектов по проблемам межнациональных отношений, что в конечном итоге позволило принять закон "О национально-культурной автономии" в 1996 году. Наконец, текст принятой в 1996 году Концепции государственной национальной политики вобрал в себя все принципиальные положения документа 1992 года.

Но тогда почему такая достаточно грустная слава "отвергнутой концепции"? Этому есть несколько объяснений. Важнейшее из них - тогдашняя неготовность российской политики воспринять необходимые новации и некоторые доктринальные переоценки, для чего требовались еще дискуссии и время, которые могли принести должное понимание. Это был не самый благоприятный политический момент, когда радикальные националистические

движения были на подъеме, а лидеры республик еще не уладили свои взаимоотношения с Центром, не обзавелись президентскими самолетами и навязывали свое понимание проблемы дезориентированному Центру. Наконец, была допущена ошибка в тактике подготовки концептуального документа: не были привлечены в качестве партнеров уже упоминавшиеся ключевые фигуры в Центре, а обсуждение проекта документа с республиками носило ограниченный характер. Причем, мой тогдашний заместитель по Госкомнацу Владимир Лысенко поспешил отправить в республики первичный вариант с не очень аккуратными формулировками, вызвавшими отторжение и справедливую критику. И все же главное, повторяю, заключалось в амбициях тех федеральных политиков, которые претендовали на собственное авторство новой национальной политики. Неслучайно, сразу же после обсуждения газета "Федерация" опубликовала не обсуждавшийся документ, а текст все той же "Программы национального возрождения", а Рамазан Абдулатипов позднее обвинил "безнациональных политиков из Центра", которые успешно "потопили" его собственную концепцию национальной политики¹¹.

О принятой концепции

Практика оформления государственной политики в наиболее важных сферах общественной жизни в форме доктрин, концепций или программ является общепризнанной. В отличие от текстов законов, а тем более основного закона - конституции, доктринальные документы являются официальными ориентирами, а не обязательными предписаниями для

властей и граждан. Однако в ситуациях общественных трансформаций значимость такого рода ориентиров крайне велика: закон - это более консервативный текст, обычно оформляющий уже существующую практику; концепция - это официальный трактат, нацеленный на перспективу и определяющий рамки и цели происходящих перемен, инициируемых властями. Если

закон обязывает, концепция - объясняет и рекомендует. Концепции имеют свойство меняться и изменяться чаще правовых актов и не следует преувеличивать их некую первичную значимость.

Работа над правительственным документом по вопросам национальной политики продолжалась в Миннаце России при министрах Сергее Шахрае и Николае Егорове и была успешно завершена при Вячеславе Михайлове, который смог довести дело до ее принятия 11 апреля 1996 года на заседании Правительства РФ. Хлесткие и малопрофессиональные оценки этого документа, как, например, статья социолога Жана Тощенко "Концепция опять не состоялась"¹², причем, в день ее принятия на заседании Правительства Российской Федерации, один из примеров претензий видеть текст документа, написанным словами и терминами, которым десятилетиями обучались в интеллектуальных застенках бывшего ИМЭЛа или АОН при ЦК КПСС. Пожалуй, самая большая ирония в том, что принятый Правительством документ был результатом согласований и согласия основных "потребителей" концепции - федеральных властей и властей российских республик, ведущих экспертов-разработчиков, политических сил. Только сравнительно небольшая группа главным образом московских деятелей продолжала баталию, вплоть до наущничания республиканским лидерам и тем, кто готовил концепцию к подписанию ее Президентом, о, якобы, "вредном" содержании документа. Это, кстати, задержало ее подписание на два месяца, и подпись Президента была поставлена 15 июня, в последний рабочий день перед президентскими выборами.

В чем суть принятого документа, как следует его читать и использовать? Помимо обстоятельного комментария Вячеслава Михайлова¹³, мне как одно-

му из разработчиков хотелось бы сделать также некоторые пояснения. Во-первых, отметим, что в течение нескольких рабочих дней перед рассылкой проекта документа перед заседанием Правительства стол Министра по делам национальностей был заполнен бумагами с предложениями и замечаниями, которые поступили от субъектов Федерации и от федеральных ведомств и над текстом велась тщательная работа. Были учтены все основные замечания, в том числе и самые "неудобные" от Татарстана, Башкирии, а также МИДа и Минэкономики России. Из текста ушли излишне назойливые упоминания о сохранении целостности государства и определяющей роли русского народа в государствообразующем процессе, авторы некоторые напуганными авторами в первоначальный вариант. Были уточнены малопонятные и провоцирующие конфликты понятия и категории, более определенно сформулированы задачи государственных органов и координирующая роль Министерства по делам национальностей.

В тексте одобренной концепции национальной политики не употребляется термин "нация", а употребляются и специально объясняются понятия "народы", "национальности", "этнокультурные" или "национальные общности" скорее как синонимы, а не как жесткая иерархия, существовавшая в прошлом доктринальном языке. Сделано это не для того, чтобы "упразднить нации" или "бороться с нациями" как пугают некоторые догматики. Понятие нации употребляется в двух значениях: как политическая или гражданская нация и как культурная или этнонация. Вся международно-правовая практика и доктринальный язык современных государств (кроме постсоветских и постюгославских) пользуются первым значением этого слова. Многие культурные, политические, сепаратистские

движения, организации и даже внутренние государственные образования часто пользуются вторым значением этого термина. Так, например, в испанской провинции Каталония даже в тексте местной конституции есть термин "каталонская нация", но в официальном государственном языке употребляется только термин "испанская нация" - понятие, объединяющее все народы Испании.

Россия, вступив в Организацию Объединенных Наций и подписавшись под основными международно-правовыми документами, вправе хотя бы на уровне официального языка зарезервировать за собою право легитимно и без внутреннего двойного стандарта пользоваться понятиями национальной интерес, экономика, армия, наука, символы и т.п. Концепция не вводит категорию гражданской российской нации, но и ограничивает официальный язык достаточно достойными понятиями как народы или национальности. Никто не накладывает запрет на употребление понятия нации в его этническом значении для лидеров республик или активистов национальных общин, и даже для специалистов, но федеральная власть обязана оставить некоторое доктринальное пространство для процесса гражданского нации-строительства, без чего не может существовать ни одно государство.

Более того, концепция делает уступку в пользу этнического понимания термина "народ", хотя его наиболее распространенное значение - это общегражданская общность, население страны. В концепции под *понятием народ имеется в виду общность людей, члены которой разделяют общие название и элементы культуры, прежде всего язык, имеют общие происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности*. Среди этих признаков определяющую роль играет самосознание. Кстати, гражданское и

этнокультурное значения понятия "народ" не противоречат друг другу и принадлежность конкретного человека к обоим или нескольким типам общностей не является взаимоисключающей.

Концепция более глубоко и современно трактует *понятие самоопределения как формы обеспечения права гражданских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей национального и культурного развития, форм политического управления*. Самоопределение в рамках многоэтнических государств осуществляется в двух основных формах: *территориальных образований и национально-культурной автономии*. Поэтому существование республик в составе Российской Федерации признается важнейшей формой внутреннего территориального самоопределения и дальнейшего развития федерализма и разнообразных и разностатусных взаимоотношений с федеральным Центром и другими субъектами федерации формулируется как одна из приоритетных задач государственной национальной политики федерального и республиканского уровней.

В концепции не фиксируется право на самоопределение в виде отделения, но такое право отсутствует в федеральной конституции и в конституциях республик, кроме косвенной возможности в конституции Тувы и конституции Татарстана, где этот вопрос обойден формулировкой ассоциированного статуса. Я не знаю государств, где бы законодательство и доктрины предусматривали явочную сецессию (волевое одностороннее отделение), и России нет смысла повторять безответственную лексику советских конституций. Кстати, международное право признает возможность самоопределения через образование отдельного государства, но оно распространялось на бывшие колониально-зависимые народы как территори-

альные (а не этнические!) сообщества. Право на сецессию (отделение) процедурно в международном праве не разработано и признается международным сообществом только в случае его осуществления на основе взаимного согласия, как это было в ситуации распада СССР. Не будь этого согласия, международное признание в самопровозглашенной форме новых государств могло не последовать¹⁴.

Второй важной формой самоопределения концепция определяет экстерриториальную национально-культурную автономию. Ее субъектом могут быть любые народы и отдельные этнокультурные общины независимо от территории расселения и статуса. Это прежде всего право на отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнокультурной принадлежности и самосознания. Концепция трактует национально-культурную автономию гораздо шире, чем ее фольклорно-этнографический вариант. Предусматривается возможность, помимо образовательно-культурной деятельности любого уровня, культурно ориентированной предпринимательской деятельности, права общинной собственности и самое важное - право на особые формы политического представительства (пока это определяется в форме Ассамблеи народов России как общественно-государственной палаты) и законодательную инициативу. В чем-то эта форма самоопределения даже перспективнее и мощнее территориальной. *Нетерриториальное самоопределение ближе к универсальному понятию внутреннего (коллективного и индивидуального) самоопределения - это право на участие в более широком общественно-политическом процессе, включая управление государством и конкурентную социальную мобильность.* Концепцией предусматривается всесторонняя поддержка государ-

ством различных форм национально-культурного самоопределения, как федеральными, так и властями других уровней.

В концепции последовательно проводится принцип гражданского равноправия и равных прав народов. Во-первых, все народы России определяются как государствообразующие, если речь идет о всей стране, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России независимо от национальной принадлежности способны в полной мере реализовать свои социальные возможности и политические права в общероссийском общественном пространстве. Концепция тем самым не ориентирует на культурный и политический изоляционизм как тормозящий фактор модернизации, но отдает должное и всячески поддерживает этническое многообразие страны через развитие не только отдельных культур, но и многокультурности, двуязычия и многоязычия. В этом многообразии традиций, социального опыта, мировоззрений заключена питающая сила любого крупного государства.

Во-вторых, концепция ставит определенные ограничители для возникновения местных этнократий и нарушений прав человека на основе этнической дискриминации. Республики вправе определять свои хозяйственные, политические и культурно-языковые параметры жизни, но их государственность не есть исключительная собственность какого-то одного народа и она существует от имени и для всех граждан соответствующих территориальных сообществ. Это, кстати, полностью соответствует конституциям и декларациям, принятым в самих республиках. Здесь еще предстоит найти деликатный баланс между общеграж-

данским равноправием и республиканской государственностью как одной из защитных форм для 20 наиболее крупных народов России.

Наконец, концепция, чтобы избежать ненужной градации граждан на разностатусные категории по этническому признаку, крайне ограниченно использует понятие "меньшинства". Это не от того, чтобы обойти проблему мирового значения и зафиксированную в ряде международных деклараций, а по той простой причине, что во многом Россия ушла дальше того, чего требуют эти декларации. Международное понимание "меньшинства" - это все численно недоминирующие в государстве группы, т.е. строго говоря, к ним должны быть отнесены все нерусские народы. Для них международно-правовыми документами предусматриваются разнообразные права, но они никак не идут дальше культурно-образовательных и антидискриминационных прав. Едва ли резонно зачислять в категорию меньшинств чувашей, татар, якутов, осетин и многие другие народы, имеющие территориальную автономию в виде республик-государств и мощные культурные институты. А если оставить в этой категории только всех других (без "своей" государственности), то опять получается абсурд. Ибо для коренных малочисленных народов (главным образом, народов Севера), которые проживают в особых экологических средах и сохраняют традиционное хозяйство, необходимы другие подходы и они предусмотрены концепцией в соответствии с международными требованиями. Те, кто в итоге остаются среди претендентов на статус "меньшинств", - это главным образом представители диаспор таких крупных народов, как украинцы, армяне, азербайджанцы и другие, а также дисперсно расселенные народы (евреи, греки, корейцы и другие), которые на-

ходятся далеко не в приниженном положении, чтобы их категоризировать как меньшинства. А именно в приниженном статусе и в необходимости особой защиты заключается суть доктрины меньшинств. К тому же в стране сохраняется традиция негативного восприятия категории "нацмен" и не хотелось бы ее возрождать ради соответствия употребляемому международному словарю. Возможно, эта категория возродится в России, но лучше если это будут делать представители тех, кто хочет, чтобы их считали меньшинствами, а не государство. Главное - выполнить требования и обеспечить те права, которые международное сообщество выработало для данных групп населения. В этом отношении положения концепции по национально-культурной автономии обеспечивают все эти возможности.

Разработчики концепции видели недостатки подготовленного документа, с точки зрения исторической перспективы. Но учитывали главное - саму эту перспективу и стремились в максимальной степени ответить на ее требования. Однако они, как и несколько лет назад, ощущали достаточно активное противодействие. Причём не только со стороны части местной элиты и обслуживающих ее интересы интеллектуальных команд, но и группы московских ученых. Причин тут несколько. И одна из основных состоит в том, что происходит смена господствовавших подходов и старого понятийного аппарата, приходит иное мышление, другой язык, более современное осмысление сферы национального (этнического). Это требует, по крайней мере, научного мужества в деле инвентаризации своего послужного списка и отношения к своим прошлым сочинениям, но прежде всего это требует более широкого образования.

От того, с каким исходным инструментарием работает экспертиза,

зависит корректность политических действий. Неадекватная научная доктрина, перейдя в сферу практики, может оказаться разрушителем реалий или вызвать к жизни явления, которые можно назвать "ложной этничностью". Классическим примером лжеэтничности может быть феномен "возрождения казачества", когда на основе мобилизованной памяти о прошлом часть граждан начала мужские "игры в казаков", преследуя достаточно утилитарные цели. В свою очередь, политики и эксперты, также руководствуясь

сиюминутными расчетом и романтическим энтузиазмом, способствовали утверждению казачества на уровне общегосударственного реестра общественных коалиций, причем, коалиций, претендующих на параллельную власть и особые привилегии. Война в Чечне показала всю смехотворность декларируемой миссии "защиты границ" и "обеспечения порядка", но казачество уже вошло в российскую действительность, обзаведясь государственной поддержкой и курирующим его чиновничеством.

Постконцептуальные размышления

Итак, с 15 июня 1996 года в Российской Федерации существует официальная концепция государственной национальной политики. При всей важности обозначенных ею ориентиров, наивно полагать, что реальная политика должна испытать ее "направляющее" воздействие. Важен сам по себе символический акт утверждения Министерством по делам национальностей приоритета в подготовке такого документа и в достижении по нему согласия основных участников общественно-го процесса. Это уже означает многое в условиях, когда этнический фактор стал причиной острых политических коллизий и разрушительных конфликтов. Не менее важно и то, что политики и ученые разгрузились от обвинений в недостатке концептуальности и удовлетворили свои амбиции по части доктринальных предписаний. Однако остается один большой вопрос для размышлений: чем должна быть построена концепция, а также конституционно-правовые параметры общества, чтобы обеспечивать в нем согласие и сотрудничество и предотвращать конфликты.

Последнее - самое важное из всего комплекса межэтнических про-

блем, ибо конфликты, особенно в открытой форме, делают бессмысленной и в чем-то даже лицемерной разработку программных стратегий. К тому же жесткий прессинг открытого конфликта заставляет политиков думать и действовать не в категориях лет и десятилетий, а вести счет неделями, днями или даже часами, когда важны не концептуальность, а соединение импровизации и реализма, не некая общая стратегическая цель, а конкретный результат, вернее, результативный процесс разрешения кризиса. Напряженность и конфликты повышают отчужденность между участниками политического процесса, а часто - превращают их в жестких противников или в жестоких вояк. В этой ситуации о некой общей идеологии и разделяемой политической стратегии на основе концепции или действующих правовых норм говорить вообще не приходится: они или открыто отвергаются, или игнорируются, или признаются демонстративно, но с мыслью и намерением действовать по собственному усмотрению. "Концепция - в Москве, а нам здесь надо ежедневно работать, разгребая грязь и вытирая слезы. Поэтому для нас эта Концепция - что есть, что

ее нет.” – сказал мне руководитель Комитета по делам межнациональных отношений одного из северо-кавказских субъектов Федерации.

Поэтому, на наш взгляд, в нынешней ситуации не меньшее значение имеют стратегии среднего и низшего уровня, а также техника претворения в жизнь высоких идеологических договоренностей, будь это доктрина, конституция или закон. Если последние провозглашают равенство всех граждан независимо от национальности, расы и вероисповедания, а также равноправие народов в едином государстве, тогда встает один кардинальный и крайне практический для конкретной политики вопрос, который специалистами пока открыто не формулировался: Есть ли смысл в ситуации, когда советское государство и без того десятилетиями насаждало и конструировало жесткие этнические границы и во многом строило на этом управление страной, включая как этнические репрессии, так и этнический фаворитизм, продолжать стратегию этнополитического партикуляризма и фиксации социальных группировок данного типа в ущерб не менее важным усилиям по утверждению общегражданской лояльности, а значит и общероссийской общности, или нации?

Это – вопрос первостепенной важности для всех новых государств, где старая советская идентичность разрушена, или существует в виде ностальгии и как элемент политических спекуляций (я не говорю здесь о некоторых общекультурных нормах и ценностях, которые есть мощная и сохраняющаяся реальность), а новая гражданская лояльность еще только формируется. Как известно, государства существуют не по причине писанных конституций, охраняемых границ, отпечатанных паспортов и международного признания. Они есть тогда, когда есть представление об этом государстве, в

том числе, его территориальном облике, и лояльность ему в сознании граждан данной политической общности¹⁵. Точно также известно, что общества больше отличаются не степенью культурного многообразия, а тем в какой мере этим различиям придается определенное, иногда самодавяющее значение. Как отмечает Лиа Гринфельд, “в некоторых обществах мы не замечаем это разнообразие и считаем их “гомогенными”, в то время как в других это может проявляться в самых болезненных формах. Это происходит не потому, что в одном обществе среди его членов имеется меньше культурно отличительных характеристик, чем в другом обществе, а потому, что то же самое разнообразие воспринимается по-разному. Не каждое общество придает этничности и этническому разнообразию культурное значение, и не каждое общество, в особенности, рассматривает эти характеристики как суть основополагающей идентичности своих членов”¹⁶. Поэтому весь вопрос о регулировании межэтнических отношений в странах бывшего СССР не может рассматриваться вне не менее важной общественной цели формирования общероссийской, общеукраинской, общемолдавской или общекавказской идентичностей. И в этом, пожалуй, главная сложность сегодняшней ситуации после произошедших глобальных трансформаций.

Именно по этой причине, будучи последовательным сторонником политики культурного многообразия и плюрализма, я высказываю определенные предпочтения в пользу интеграционистского подхода, который в данный исторический момент, возможно более важен, чем политика и управление, строящиеся на групповых различиях. Дело в том, что смертоносные конфликты сегодня возможны не только внутри многоэтнических обществ, но и между многоэтническими обществами-

государствами, которые с огромными трудностями обретают свою подлинную, а не только декларативно и внешне признанную легитимность. Чем быстрее этот процесс пройдет стадию воспаленной болезненности, тем меньше риск глобальной дестабилизации. Да и внутренние конфликты в постсоветских государствах происходят не от недостатка или ограничения этнических лояльностей, а от слабости и глубокой расколотости гражданских общностей новых государств.

Этим вопросом я не снимаю проблему обеспечения и поддержки различных этнических культур и прав народов. Дилемма в том, что оба эти вопроса взаимосвязаны и нужно найти баланс между интегративностью и групповой отличительностью, между лично-ориентированной гражданской демократией и коллективными правами в рамках демократии согласованных интересов. Какие здесь главные проблемы?

Прежде всего это вопрос о государственном устройстве. Многие специалисты правы, считая, что федерализм является наиболее адекватной формой организационной структуры многоэтнических государств. Россия в этом плане демонстрирует наиболее либеральную и последовательную позицию, будучи пока единственным из 15 государств, определившим себя как федерация. Думаю, что в этом плане вопрос неизбежно встанет перед Грузией, Казахстаном, Украиной. Кстати, последняя в недавно принятой конституции вызывающе определила себя как унитарное государство. Хотя де-факто территориальная форма автономии, т.е. федеративность, существует в Грузии, Украине, Узбекистане, Молдове. Трудно согласиться с мнением некоторых специалистов, что федерализм - это для крупных стран, а для малых стран унитарная форма подходит больше¹⁷. Пример Бельгии и Швейца-

рии этого не подтверждает. Эстония - из разряда малых стран, но это фактически дву-общинное государство, как Латвия и Казахстан, и я не исключаю их федеративного устройства в будущем, чтобы предотвратить возможность крупного внутреннего конфликта - единственно реально существующей угрозы для этих новых независимых государств, если не будут найдены другие формы управления многоэтническими обществами.

Хотя должен отметить, что для дву- или равнообщинных государств и сообществ осуществление принципа федеративности связано с большими трудностями и риском сецессии. Даже в Бельгии при двух основных этнических общностях существует четыре федеративных единицы, снижающие возможность открытого противостояния по административно-государственным границам. В этой же связи я хотел бы высказать замечание по поводу идеи кантонизации, т.е. создания самоуправляющихся единиц на уровне общинных сообществ (своего рода "коммунальный федерализм" или "микрофедерализм"). В принципе такая возможность существует для ряда российских республик (Башкирия, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария и другие) и такое предложение даже высказывалось некоторыми экспертами (С. А. Арутюнов, В. А. Кульчик). Здесь мне представляется необходимым хорошо подумать, прежде чем пробовать повторить успешный пример с образованием внутреннего кантона Юра в Швейцарии. В условиях нестабильной экономики, уже перегруженного социальными переменами общества, низкого качества лидеров и даже отсутствия профессиональных управленцев, кантонизация может выродиться в уродливые пародии, своего рода "этнические гаремы" местных лидеров и в новые антагонизмы, не решив своего главного предназначения:

достижения межэтнического согласия и модернизации.

Но проблема федерализма в России заключается прежде всего в его процедуре, т.е. в повседневной практике. Во-первых, следует признать реальный факт "этнического федерализма", что примерно равнозначно употребляемому мною понятию "этно-территориальной автономии", или широко распространенному в отечественной лексике понятию "национальной государственности" или "национально-государственных образований", т.е. республик. За всем этим стоит смысл, что данная форма государственного образования возникает и ее место в федеративной системе государства определяется не экономическими, территориальными и другими факторами, а тем, что существует определенная этническая группа, которая государственно оформляет пространство своего проживания и от имени этой группы провозглашается данная территориальная автономия. Такая форма государственного устройства действительно практикуется в мире, а в СССР она получила широкое распространение. Но здесь есть одна очень сложная проблема, которая особенно актуальна для России.

Этнический федерализм предполагает, что население определенной автономии составляет однородная этническая общность, или хотя бы значимое большинство данного населения. В этом случае строящаяся на принципе гражданства государственность (другого принципа не существует), как общенациональная, так и внутрифедеральная, не приходит в противоречие с этническим фактором, т.е. с этнокультурным составом населения, и более того - не нуждается в декларативном оформлении этой государственности как этнической с соответствующими указателями-маркерами. Внутренние государства в индийской

федерации (штаты) не имеют этой маркировки, хотя границы многих из них построены по этноязыковым принципам. Другой пример - Каталония, где данная территориальная автономия имеет четкий декларативный профиль и в конституции этой провинции записано, что это - государственность каталонской нации. Россия попадает в эту вторую категорию, но опять же со своей спецификой.

Во-первых, в Испании существует понятие испанской нации, в которую входят все проживающие в ней народы, т.е. этнические группы, и только понятие испанской нации является общегосударственно употребляемым в официальном языке. Тем самым каталонец является как бы членом двух наций, т.е. имеется множественная, не-взаимоисключающая идентичность - этнокультурная и общегражданская. Родившийся в Барселоне Пабло Пикассо был каталонцем и испанцем (но не кастильцем!) одновременно. Такой формы идентичности и такой доктрины в России пока официально не существует, хотя она абсолютно, на наш взгляд, необходима и более того - она реально отражает то, что существует в представлениях людей, о чем свидетельствуют результаты многочисленных исследований¹⁸.

Во-вторых, российские республики являются многоэтническими общностями и в большинстве их титульная группа составляет этническое меньшинство, или же имеется две или несколько титульных групп, как, например, в части республик Северного Кавказа. Границы республик в свое время оформлялись с учетом не только состава населения, но и экономических и политических факторов, главным образом в пользу этих республик, учитывая политическую установку на ликвидацию отсталости "национальных окраин". Процесс демократизации, утверждение общегражданских принципов управле-

ния выявили эти существующие противоречия и доктринальные тупики прошлой политики. Современное политическое творчество находит новые, более демократические формулы. Идет поиск разрешения этих противоречий. Прежде всего, республики (как население, так и политические элиты) предпочли сохранить свой главный капитал - это территории с их ресурсными возможностями. Ни одна из титульных этнических групп не выступила с проектом привести в соответствие административные границы с ареалами преимущественного расселения этнической группы за счет сокращения территорий. Наоборот, чаще высказывались проекты в пользу их расширения. Но это, в свою очередь, потребовало, хотя и трудного в условиях всплеска радикального национализма начала 90-х годов, пересмотра основ республиканской легитимности. Почти во всех декларациях о суверенитете и в конституциях республик была найдена примерно одинаковая формула, что основой государственности и источником суверенитета и власти в республиках является проживающий в ней народ, но в то же время данная государственность является формой самоопределения определенной этнонации, чувашской, татарской и т.д.¹⁹

Эта сложная, но, возможно, единственно приемлемая формула позволяет развивать общедемократические формы управления в республиках, хотя явление узурпации власти в республиках в пользу одной из групп (главным образом, титульных групп, но не только одних их исключительно) имеется и это один из наиболее конфликтогенных факторов в современной России. Возможности для сохранения межэтнического баланса, в том числе в сфере распределения власти, в республиках имеются. Их конституционные основы и накапливающийся неформальный опыт достижения согласия позво-

ляют это сделать. Специалистам уже следует изучать опыт достижения согласия, имеющийся в Якутии, Бурятии, Калмыкии, Татарстане, Кабардино-Балкарии и в ряде краев и областей. Примером интересного новаторства можно назвать институт коллективного президентства и ротации на этнической основе высшего должностного лица в Республике Дагестан. К сожалению, Конституционный суд России поддержал неизбежный синдром человека у власти, в данном случае Магомедали Магомедова, и признал законным продолжение его полномочий в нарушение достигнутого соглашения. Возможно, на это повлияла конкретная политическая ситуация в республике в условиях войны в Чечне.

Есть один кардинальный вопрос, вернее, дилемма этнического федерализма, ответ на который предстоит еще сформулировать. Как в условиях рынка демократии и утверждения общегражданского равноправия, при которых этническая принадлежность не может быть причиной как дискриминации, так и особых преференций для отдельного гражданина, все же обеспечить отличительный этнокультурный профиль государственных автономных образований (часто при демографическом меньшинстве титульной группы) и в то же время без изменения их территориальных границ, чего не могут позволить местные бюрократии. Этот отличительный профиль ("национальный облик") республик, по нашему мнению, является важным как символическим, так и реальным фактором сохранения групповой целостности недоминирующих в стране культур.

Моя позиция заключается в том, что в республиках может и должна фиксироваться и отражаться в государственных институтах одна, две или более (Дагестан) предпочтительных или референтных культурных систем проживающих там этнических групп

наряду с доминирующей на уровне всего государства культурной системой, в данном случае русской или, вернее, российской русскоязычной культурой. Другими словами, для участия в управлении и в культуре нужно устанавливать не принцип этнической принадлежности жителя республики, а принцип участия в местной культуре (наряду с возможным цензом оседлости), т.е. президентом Татарстана может быть избран не только этнический татарин, но и русский или чуваш, но способный говорить на татарском языке и естественно пользующийся доверием необходимой части электората. Как я понимаю, конституция Татарстана это позволяет, хотя по конституции РФ даже такое несложное условие может быть истолковано как нарушение гражданского равноправия. Таким образом, власть в Татарстане зарезервирована не для этнических татар, а для тех, кто способен участвовать не только в общероссийской, но и в местной культурных системах. Тем самым мы уходим от жесткого группового принципа распределения власти, что предусматривает процедура консociальной демократии, но сохраняем и признаем особую отличительность республик как этнотерриториальных автономий в рамках федеративного государства. Вполне естественно, что сохранение и развитие местных культурных систем требует и ресурсных обеспечений через более широкое право контроля и использования возможностей соответствующей территории, а в ряде случаев - привлечения ресурсов и поддержки всего государства. Печатание литературы и учебников на татарском языке в Татарстане, но для всех российских татар (кто в этом нуждается) требует поддержки всего государства. Если это предприятие не приносит собственного дохода и не окупается самими гражданами, что вполне

возможно и было бы более предпочтительным.

Наличие этнического компонента в федерализме предполагает возможность асимметрий, хотя эти асимметрии могут также иметь экономические и другие причины. Республики таким образом могут и реально обладают большими правами в сфере институциональной государственности, чем другие субъекты федерации, но Свердловская область или Красноярский край могут иметь больше полномочий в сфере экономической власти, чем некоторые республики. Не может быть и равенства между республиками. Якутия может иметь больше возможностей для лучшего обустройства социальной жизни своего населения, чем Северная Осетия, хотя сейчас это скорее наоборот.

Почему я высказываю определенные возражения против изложенных в недавней работе американского ученого Тима Сиска, а также в работах Арента Лифарта²⁰, предложений по распределению власти по групповому этническому принципу в варианте демократии согласия, хотя консociальность как дополняющий механизм представительной демократии в России необходима. Все-таки эти предложения сформулированы главным образом на материале африканских и азиатских государств (Южная Африка, Индия) и в России, как и в других постсоветских государствах, их применимость ограничивает ряд важных факторов.

Во-первых, это вопрос определения членства группы, т.е. их границ, что необходимо для осуществления предлагаемых процедур распределения власти. Хотя в СССР делалось многое для утверждения жестких этнических границ и каждый гражданин в паспорте продолжает носить прописку по одной из групп, чаще эти границы не так жестки, как в обществах, где их

усиливают расовые различия (цвет кожи), открытые дискриминация и сегрегация, а также реальная массовая религиозность по разным конфессиям. Кроме этого, в СССР был и сохраняется в России высокий уровень межэтнической мисцегенации и число потомков смешанных браков составляет огромную часть населения. Предлагаемые процедуры поставят в сложное положение десятки миллионов людей, могут дать нежелательное ужесточение групповых границ и даже привести к такому, чего Россия пока избегала, т.е. к появлению действительно этнических партий, а также пространственной и трудовой сегрегации. Страна может вернуться к сравнительно недавним временам, когда были дворники-татары, чистильщики обуви - армяне и айсоры, а термин "нацмен" в обиходном языке имел уничижительное значение.

Во-вторых, современная демография России отличается тем, что менее 50% нерусских проживает в территориальных автономиях, а в "своих" - еще меньше (10 из 28 млн. чел.). Таким образом, через этнический федерализм решается только часть проблем распределения власти в пользу недоминирующих групп только для примерно 40 процентов нерусского населения. Например, любая, даже самая радикальная форма распределения власти в пользу Татарстана, это результат в пользу 1/4 российских татар: остальные, проживая в Москве или в Пермской области, этого результата не получают, кроме возможной косвенной культурной поддержки из самого Татарстана, если последний будет располагать соответствующими ресурсами и желанием это делать.

И здесь мы выходим на важнейший аспект распределения власти в многоэтнической стране, который не покрывается федерализмом, а должен решаться через экстерриториальные

формы на уровне всего государства, как его центра, так и региональных и местных сообществ. В России в значительной мере по моей инициативе была реабилитирована форма экстерриториальной национально-культурной автономии как доктрина. Принятый в июне 1996 года закон закрепляет усилия и надежды уже многих моих сторонников этого важнейшего механизма управления, распределения власти, сохранения и развития культурного многообразия России.

Но вот какая проблема встает в этой связи, если национально-культурную автономию понимать более глубоко, как одну из форм самоопределения, т.е. как право на участие в более широком политическом процессе, в том числе в распределении и отправлениях власти. Закон предусматривает право на политическое представительство и даже законодательную инициативу через этнокультурные ассоциации и другие подобные коалиции. Предполагается даже создание Ассамблеи народов России как общественно-государственной палаты с достаточно широкими полномочиями, что несколько исправило бы нынешнюю ситуацию, когда на уровне высших представительных органов перестала существовать Палата (Совет) национальностей, а после каждых выборов сужается представительство российских национальностей в парламенте страны. В Госдуме 1995 года это представительство сократилось на одну треть по сравнению с предыдущей.

А проблема заключается в том, кто и как выбирает и может быть избран в Ассамблею. Перспектива организовать по всей стране выборы среди всех евреев, татар или русских представляется занятием крайне расточительным, рискованным по своим последствиям, и главное - совсем нежелательным для многих, если не большинства граждан, чьи потребности

вполне реализуются через действующие в стране правовые нормы. Если, например, российские армяне, украинцы или евреи как достаточно хорошо интегрированные в российское социально-культурное пространство группы вполне удовлетворены своим положением (я не говорю о всем спектре личностных запросов гражданина, где об удовлетворенности речи не может быть даже в самых благополучных и богатых странах), то тогда зачем государству стимулировать создание подобных коалиций и побуждать все армян или всех украинцев идти на выборы (муж пойдет, жена нет, а взрослые дети?) и выбирать главного армянина или главного украинца всей России? Если немец Эдуард Россель, тувинец Сергей Шойгу, еврей Эмиль Паин, ингуш Хажбикар Боков, осетин Ким Цаголов и другие не испытывают потребности и не видят личного интереса в данном мероприятии, тогда почему чиновник или группа озабоченных активистов должны через закон устанавливать всеобщую норму. Я перечислил имена людей из числа политической элиты, т.е. из социально благополучных. Но это же касается сотен тысяч нерусских, тех же армян, евреев и украинцев, живущих от Якутска до Ростова полноценной жизнью или же озабоченных совсем иными проблемами в рамках общероссийского социального пространства. К тому же трудно осуществить организационную консолидацию всех евреев, украинцев или армян. Скорее всего право голоса говорить от их имени узурпирует группа столичных интеллигентов. Подобные коалиции будут усиливать элементы коллективистского поведения от имени и во имя "своей нации", что ограничивает гражданскую свободу. Не следует забывать один из принципов демократического устройства общества: человек обретает свободу не в ассоциации, а в диссоциации от группы.

Вопрос, как представляется, далеко не такой простой. Мои обсуждения этой проблемы для подготовки указа Президента РФ с министром Вячеславом Михайловым и с Рамазаном Абдулатиповым пока не привели к законченным рекомендациям. В этом вопросе вообще просматривается кардинальная проблема в какой мере государство и элита должны стимулировать и поднимать на уровень официальной идеологии и текстов законов низовую мифологию и этническое (или лжеэтническое) предпринимательство? Опыт с легитимизацией сначала краеведческого, а затем полу-криминального, казаческого движения чисто в целях политических манипуляций, должен послужить хорошим уроком в этом плане.

Критики интеграционистского подхода иногда несправедливо ассоциируют его с ассимиляционистским подходом. Авторы недавно опубликованной книги "Национализм и рациональность"²¹ перечисляют этот подход среди других методов упразднения различий (таких, как геноцид, насильственное перемещение населения, самоопределение или сецессия), а консоциальную демократию, или распределение власти, - среди методов регулирования различий (наряду с гегемонистским контролем, внешним арбитражем, кантонизацией - федерализмом). Кстати, в России, особенно старшее поколение ученых и политиков или сторонники ультра-националистических взглядов, также отвергают интеграционистский подход. Одни видят в утверждении общероссийской, общереспубликанской или общерегиональной общности и лояльности попытку насадить новый вариант "единого советского народа" или региональный сепаратизм; другие считают, что это может подорвать чистоту и статус главной "государствообразующей" нации - русских.

Противники интеграционизма не учитывают два принципиальных момента. Во-первых, речь идет об интеграции, в том числе создании кросс-этнических коалиций для пользования властью и управления, на гражданской, многокультурной основе. Это никоим образом не отменяет наличие этнокультурных общностей, и их значимость. Во-вторых, интеграционизм в современном мире стал и элементом культурных систем. Культура каждой отдельной группы по сути плюралистична и включает в себя элементы заимствований и взаимовлияний. Даже каждая отдельная личность заключает в себе симбиоз культурных систем: от глобальной, до местных. Возрождение некой утраченной нормы для этнических культур - это утопия, ибо такой нормы в ее чистом виде никогда не было и в прошлом.

Демократия согласия и распределение власти между группами возможны только и вместе с интеграционистскими подходами, причем не столько через фиксированные формальные практики, а через неформальные договоренности и политическую культуру толерантности. Другими словами, в конституцию или в избирательные законы России далеко не все можно и следует записывать из того, что предлагают сторонники консоциальной демократии, но понимание необходимости и достижение договоренности между элитными элементами почти всегда возможно. Невозможно записать в формальный текст, что в Правительстве России один из заместителей премьера должен быть от республик Поволжья, а один - от республик Северного Кавказа, но договориться о такой практике возможно и даже нужно. На мой взгляд, Госдума прошлого состава сделала ошибку при голосовании одного из кандидатов в члены Конституционного суда, которого Тартастан считал "своим" кандидатом.

При прочих равных, татарину в данном случае должно было быть отдано негласное предпочтение. Тогда этот важнейший общегосударственный орган имел бы больше доверия в данном регионе. Зато Совет Федерации многое выиграл, избрав заместителями Председателя представителя Поволжья (Василий Лихачев) и Северного Кавказа (Валерий Кокорев).

Проблема распределения власти на уровне центра в многоэтнической России требует особого рассмотрения. Я здесь не говорю о более общей проблеме децентрализации. Это особая и серьезная проблема, ибо федеральный центр и его бюрократия превратились за последние годы в монстра, который обходится слишком дорого для страны и который возвращает нас к временам редистрибутивного государства, когда все решалось и все ресурсы сосредотачивались в Москве. Некоторые полагают, что тем самым укрепляется российская государственность, но на самом деле происходит все наоборот, ибо в условиях новой политической экономии дорогой и чрезмерно властный центр вызывает отчуждение у периферии, будь то регионы или республики, и в то же время нерационально берет на себя чрезмерную ответственность за проблемы даже самого низкого уровня. То, что местные администрации даже перестают тушить лесные пожары, дожидаясь команды МЧС и деньги из Москвы, может быть одним из наиболее ярких тому примеров.

Но меня интересует вопрос как распределять власть в центре (независимо сильный он, или слабый) в многоэтническом государстве. С точки зрения принципов разделения власти и в контексте международного опыта, ситуация в общероссийском центре власти выглядит достаточно благополучно, если не считать некоторую чистку центрального аппарата Правительства РФ, видимо, под влиянием фор-

мирующегося “чеченского синдрома”, и уже упоминавшийся пример с составом Госдумы. В Правительстве РФ присутствуют далеко не только этнические русские, как и на других престижных государственных должностях, а еще недавно Верховный Совет возглавлял чеченец, а Палату национальностей - аварец. Но даже введение квотного представительства и другие меры по сохранению многоэтничности центра политической власти не снимают проблему в какой мере присутствие нерусских в высшем руководстве обеспечивает то самое желаемое представительство интересов и запросов недоминирующих групп. Чаще всего рекрутируемые в центр власти представляют в большей степени единый клан высшей бюрократии и могут быть не меньшими централистами и великодержавниками, чем этнические русские. Достаточно привести пример, что на заседании Правительства 11 мая 1995 года, когда обсуждался проект закона о национально-культурной автономии, против него высказались главным образом министры нерусской национальности. Кстати, и среди сторонников восстановления СССР присутствуют не только и даже не столько представители доминирующей группы, а именно представители меньшинств, которые ощущали себя в большей безопасности в более крупном государстве. В уменьшенном или в выделенном государстве демографический и политический баланс резко меняется не в пользу малых групп. Именно так произошло с распадом СССР. Именно по этой причине среди недовольных этим событием присутствуют такие имена, как покойный Джохар Дудаев или министр по делам СНГ Амангельды Тулеев.

Инкорпорация в высшую бюрократию ослабляет и даже может элиминировать этническую ориентацию, а некоторые могут намеренно в целях

демонстрации личной лояльности и укрепления собственного статуса выступать за жесткую государственность. Так что здесь есть серьезная проблема личностного и даже психологического уровня.

Главная слабость консоциальных (групповых) подходов в распределении власти в многоэтнических обществах состоит в том, что они исходят из позитивистского взгляда на гомогенность этнических групп и априорную этническую лояльность их элитных представителей. “Служение нации” и “борьба за интересы своего народа” часто могут служить только средством достижения власти и укрепления личного статуса и авторитета. Этнический фактор в политике служит не только средством мобилизации, но и как капитал политического торга и аргумент переговоров в другими членами политического клуба. Этот капитал может обмениваться на уступки и даже личные вознаграждения. Подписание Федеративного договора 31 марта 1992 года стоило не только долгих аргументов и убеждений, но и определенного числа подаренных автомобилей, которое совпадает с числом подписей под текстом данного документа. В 1996 году согласие представителей периферийных элит в Государственной Думе на кандидатуру главы Правительства обошлось центру в субсидии по 60 тысяч долларов на приобретение депутатами с периферии московских квартир. Решение политических вопросов по обеспечению согласия, конечно, стоит денег, а договоренности также не могут иметь только идеологическую и альтруистскую основу. Проблема только в том, что цена такой “демократии согласия” все возрастает, а деньги обеспечивают налогоплательщики.

Вообще, ученые склонны обращать внимание при анализе феномена политики на два ее институциональных уровня: уровень принципиально-де-

кларитивный, т.е. то, что оформляется в текстах заявлений, программ, законов и конституций, и уровень реальных практик и процедур, т.е. то, что происходит на уровне уличных политических актов и рутинной бюрократии. Но есть еще один уровень, который политическая антропология только начинает осознавать как предмет изучения²², но который играет важнейшую роль. Это уровень неписаных и негласных представлений политиков, поведенческих норм и схем, включая институт неформальных связей и личностных контактов. Это только традиционное обществоведение полагает, что крупные политические действия и "исторические события" совершаются некими коллективными силами - обществом, нацией, партией, классом и т.п. Однако это не так. Достаточно привести только один пример, когда неспособность и нежелание двух амбициозных политиков встретиться и договориться стоило эскалации внутреннего конфликта в одну из наиболее разрушительных войн на территории России. Даже создание того, что справедливо считалось сильным государством - СССР, произошло не только благодаря "авангардной организации"- партии большевиков. В июльском 1996 г. номере журнала "Мировая политика" появилась интересная статья историка Джеральда Истера, который пересматривает эту широко разделяющуюся догму. Сеть персональных связей и контактов политических лидеров послереволюционной России, в том числе закавказской неформальной группы т.н. "соратников", была важнейшим фактором, обеспечившим утверждение нового режима в стране и управление ее²³.

То, что СССР распался не столько в результате действия неких исторических законов и стремления народов к национальному самоопределению, а в результате глубокого раскола советской элиты. отдельные группы

которой прежде всего и самоопределились, сегодня становится все более общепризнанным. Этот мой вывод недавно нашел подтверждение со стороны авторитетных специалистов²⁴. В этой связи хотелось бы обратить внимание на необходимость серьезного пересмотра обществоведческой экспертизы в сторону изучения и оценки роли индивидуальных стратегий, особенно среди политических лидеров и других активистов общественного пространства. Прежде чем на политической арене появляются силы под названием "народ", "нация" и т.п., сначала должен найтись кто-то, кто определяет, что такое "народ". И в этом определении заложены четкие инструменталистские цели, будь это утверждение научной амбиции, стремление к авторитету и власти или желание обеспечить более комфортный социальный статус в обществе, где всегда присутствуют элементы соперничества, неравенства и доминирования.

Задача институтов управления, в том числе и государства, - вносить регулирующие начала в сложную диспозицию оформляемых людьми общественных коалиций. В многоэтнических обществах, когда в социальное соперничество вовлекаются культурные, религиозные и другие различия, стратегия управления должна строиться не на подавлении различий или на исключении и "разводе" конфликтующих коалиций, включая раздел государств, насильственное перемещение людей или изменение административных границ, а на взаимовыгодных формулах сотрудничества, справедливом разделе власти и ресурсов, культурной терпимости к иному. Это есть задача прежде всего для элитных элементов общества, ибо элиты, а не "массы" склонны и способны вызывать вражду, организовывать противостояния и вовлекать "массы" в насильственные действия с разрушительными для них последстви-

ями. Согласие и сотрудничество элит и есть тот самый "мир между народами", по поводу которого сегодня произно-

сится столь много заклинаний теми, кто намеренно или по неведению его же и разрушает.

Повестка на будущее: от этнического к гражданскому национализму

Понимание "народа" как территориального сообщества и понятия "нации" как многокультурной политической общности, считается как бы нормой человеческого общежития по крайней мере с тех пор, как оформилась современная система государств - наиболее мощная из крупных форм социальной группировки людей. Из этой посылки исходят как большинство государственных доктрин, так и международно-правовая практика. Например, безусловным принципом международного права, отраженным в многочисленных декларациях и хартиях по вопросам суверенитета и самоопределения, является дефиниция народа как субъекта самоопределения, именно как "демоса", а не "этноса", то есть как территориальной, а не этнической общности. Эту достаточно простую вещь никак не могут осознать и внятно объяснить политикам отечественные обществоведы, даже из числа тех, кто избрал эти сюжеты сферой своих профессиональных занятий.

Ставка же на этнизм в мировой политике преследовала конкретные геостратегические цели. Так, этнический национализм обретал влиятельные позиции в мировой политике, в том числе и прежде всего как форма реализации политической воли геополитических соперников-победителей в отношении ослабленных или побежденных регионов и государств. Таковой была вильсоновская доктрина "права наций на самоопределение" применительно главным образом к Центральной и Юго-Восточной Европе в начале XX века, когда перекраивалась карта

этой части мира победившими лидерами Антанты. Тем же аргументом сначала Гитлер, а затем Сталин осуществляли территориальные аннексии и меняли границы накануне и в период второй мировой войны. Победой Запада над коммунистическим миром объясняются отход западного сообщества от хельсинских принципов и поддержка этнонационализма в конце XX века в регионе влияния бывшего Советского Союза. В академическом и политико-доктринальном планах это нашло отражение в объяснительной модели "распадающейся империи", которая доминирует в интерпретации событий, произошедших и происходящих на территории бывших СССР и Югославии. О сильных и слабых сторонах этой доминирующей концепции мне уже приходилось писать²⁵.

В западной науке, представленной до этого отдельными авторами из числа каталонских, баскских, квебекских, ирландских интеллектуалов, комплиментарный взгляд на этнический национализм ныне нашел более мощную поддержку со стороны академического истеблишмента. Он рассматривает этот вид национализма как закономерную реакцию со стороны культурных сообществ и меньшинств на политический тоталитаризм или нивелирующее воздействие глобальных интеграционных процессов и распространение массовой культуры. Однако такой комплиментарный взгляд распространяется преимущественно на внешний мир и носит более осмотрительный характер применительно к действительности своих собственных

отечеств. Мало кто из американских коллег-обществоведов готов отстаивать, скажем, право на самоопределение для гавайской или навахской наций (хотя подобные движения с подобной фразеологией существуют и в США), но почти все приемлют аналогичные политические проекты внутри России. Современные подвиги "в защиту либерального национализма" продиктованы главным образом политико-идеологической заангажированностью или эмоциональностью журналистской публицистики. Это касается как западной, так и российской общественной мысли. Для последней никакой "подвиги" и не требовалось в силу глубокой включенности основных постулатов этнонационализма в ведущиеся на протяжении многих лет общественно-политические дискуссии и широкой популярности так называемой советской теории этноса.

За внешней ругательно-осуждающей дефиницией национализма на самом деле присутствовал безоговорочно господствующий этнонационализм как в науке, так и в политике. Таковой ситуация остается и поныне, ибо постсоветская наука и политика во многих случаях до сих пор не способны себе представить, что могут существовать такие категории и реалии, как российская, украинская, казахстанская, латвийская и другие нации как многокультурные политические общности. Более естественным и "правильным" им представляется категоризовать граждан зарубежных государств, имеющих армянское, грузинское, эстонское или латышское этническое происхождение, как представителей армянской, грузинской, эстонской или латышской наций и предоставлять им высшие государственные посты, в то же время отказывая даже в праве на собственность и голосование родившимся в Эстонии или в Латвии. Биологический принцип крови оказывается для сторонников

таких взглядов важнее культурной включенности - например, знания языка или факта проживания (часто с момента рождения) на территории государственного образования, - чтобы получить статус и представительные должности в ряде постсоветских государств или, наоборот, по этому же принципу быть исключенным из гражданства во имя идеи "однообщинного государства".

Отечественная академическая традиция в значительной мере способствовала утверждению приоритета этнической взаимоисключающей идентичности, огосударствлению и институционализации этничности, а также политической программатике этнонационализма. Этнографическая наука в огромной степени способствовала установлению культурных различий и категоризации этнических границ, абсолютизируя гомогенность и значимость этнокультурных сообществ и обеспечивая аргументацию политического этнонационализма. Академический, интеллектуальный этнонационализм обрел причудливые формы как изощренных схоластических конструкций, так и паранаучных построений о "подразделениях этноса", "субэтносах", "супер-этносах", "метаэтносах" и т.д., которыми питается многообразный и процветающий постсоветский этнонационализм.

Весь его язык фактически заимствован из этнографических и исторических текстов, включая такие основополагающие понятия, как "жизнь или вымирание этносов (наций)", "этническая территория", "коренная нация", "своя государственность", "национальные движения (возрождение) народов", "национальная политика", "национальный вопрос", "межнациональные отношения (конфликты)", "национальность", "родной язык" (как язык национальности) и т.п. Ни одно из этих понятий в мировой науке не используется в качестве категорий, а если используется,

то исключительно в гражданско-политическом контексте: “национальность” как гражданство, “национальная политика” как политика государственных интересов, “межнациональные отношения” как межгосударственные отношения, “родной язык” как “материнский или первый выученный язык” и т.п.

Большинство этих категорий, с научной точки зрения, уязвимы или просто бессмысленны, а с общественно-политической точки зрения, порождают тупиковые стратегии. “Этносы”, “суперэтносы”, “субэтнические группы”, “национальные группы” и многие другие неизвестные мировой науке понятия и категории вошли в язык постсоветской политики и официальных текстов, провоцируя конфликтность и делая невозможным принятие даже минимально необходимых законов, обеспечивающих интересы и права граждан, основанные на осознании или принадлежности к той или иной культурной общности. Советская академическая и доктринальная логика породили идеологию законопроектов, по которым национальным (этническим) меньшинством на территории, скажем, Коми и Карелии (и даже всей России!) может считаться любой, но только не этнический коми или карел. И, наоборот, возникшие ситуации равнообщинных государств (Казахстан, Украина, Латвия) были однозначно квалифицированы в рамках доктрины “нация и меньшинство”, хотя аналогичные ситуации в мире (от Великобритании, Канады, Бельгии до Фиджи и Ямайки) квалифицируются в категориях “народов-партнеров”.

Проблемы гражданского национализма в отечественных общественно-политических дискуссиях нет вообще из-за отсутствия самого понятия гражданской нации, хотя в реальности она вполне зримо присутствует в риторике о государственном патриотизме. В чем-то с претензией на общегосу-

дарственный патриотизм выступают представители этнического национализма доминирующей общности русских. В данном случае грань между этническим и гражданским (государственным) национализмом в значительной мере стирается. То же самое может происходить и с периферийным типом этнонационализма, формулирующим точно такую же претензию, но не на общегосударственном, а на региональном (этнотерриториальном) уровне.

Мы определяем постсоветский национализм (точнее - этнонационализм) как доктрину и политическую практику, основанную на понимании нации как формы этнической общности, обладающей членством на базе глубоких исторических и других объективных характеристик, и проистекающей из этого коллективного членства праве обладания государственностью, включая его институты, ресурсы и культурную систему. Длительные трудности с определением понятия “нация” связаны не со сложностью определяемой материи, а с эпистемологически неверной посылкой придать значимость объективной категории по сути пустому, но ставшему эмоционально влиятельным слову, за исключительное обладание которым состояются две формы социальной группировки людей, - государства и этнокультурные общности.

По моему убеждению, нация - это политический лозунг и средство мобилизации, а не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключительно из языка науки. В этнокультурном смысле понятие “нация” утратила в современном мире всякое значение и стало фактически синонимом этнической группы. Дело в том, чтобы в составе любой из таких групп (будь то

русские, караимы или нанайцы) ныне существуют элитные элементы, претендующие на подобную самокатегоризацию и способные мобилизовать массовое "национальное" сознание, то есть использование слова в качестве атрибута самоназвания, и у ученых нет оснований в отказе на данное использование слова. Равно не происходит никаких качественных трансформаций в существе этнокультурной общности при вершущечных статусных декларациях. Например, гагаузы как этнокультурная общность после получения статуса автономии Гагауз-Ери в декабре 1994 года никакого таксономического перехода из типа народности в тип нации по сути своей не совершили. Перемены коснулись лишь академических классификаций и политической риторики.

Сегодня "нациями" называют себя лидеры и активисты-интеллектуалы даже самых немногочисленных этнических общностей. В этой ситуации вполне справедливыми представляется замечание одного из специалистов по проблемам этничности и национализма Томаса Эриксона: "На уровне самосознания национальная принадлежность - это вопрос веры. Нация, то есть представляемая националистами как "народ" (volk), является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне"²⁶.

Достаточно распространенное в среде общественных движений и в политике метафора культурной нации или этнонации лишь только начинает уступать свои позиции в пользу идеи гражданской или политической нации, хотя

обе категории могут сосуществовать в ходе современных общественных трансформаций. Главное - это не возводить их в ранг научных дефиниций и официальных текстов, а тем более правовых. Мое глубокое убеждение, что сама общественная потребность государство-строительства на территории бывшего СССР довольно скоро приведет к осознанию необходимости перейти к более конструктивной и реализуемой доктрине. Тем более что оснований признать существование общероссийской гражданской общности, а тем более предпринимать усилия по ее укреплению, более чем достаточно. Рядовое сознание граждан здесь более гомогенно, чем сознание и установки интеллектуальных и политических элит.

После некоторых наблюдений я прихожу к выводу, что применяемое в государственно-политическом значении понятие "нация-государство", или "национальное государство" ("nation-state", или "national state"), также является одной из грандиозных мистификаций и не может претендовать на научную категорию, ибо сегодня нет государств, входящих в Организацию Объединенных Наций (от Ямайки до Индии), которые считали бы себя не государствами-нациями. А это означает, что они всего лишь просто государства, а их "национальная" атрибутика - это не более чем средство дополнительной легитимности. Всякие попытки разделить политическую карту мира на государства-нации и государства-ненации являются тщетными и скорее вызваны упрощенными представлениями о внешнем мире, о степени этнической гомогенности других государств и преувеличенным представлении об "уникальности" и многообразии собственных стран. То-есть это вопрос политики и интеллектуальных дебатов, а не вопрос о типе государственных сообществ. Англичане вполне удовлетворены своим "нацио-

нальным” государством британской (а не английской) нации, в то время как русские националисты могут ставить вопрос о несостоявшемся “национальном” самоопределении даже в рамках Российской Федерации, хотя принципиально оба государства ничем не отличаются как друг от друга, так и от Индии или Ямайки.

В последнее время эта ничего не значащая для науки категоризация используется в геополитическом соперничестве, в котором на уровне поставщиков аргументов и идеологем участвуют и обществоведы. Западные ученые не используют термин “многонациональное” государство применительно к Испании, Великобритании, Индии, Нигерии, а теперь и по отношению к Украине, Казахстану или Грузии, но принимают фразу о “многонациональном народе” России, тем самым имплицитно подвергая сомнению легитимность данного государства и признавая оправданность периферийного этнонационализма. Хотя на самом деле в государственно-политическом смысле в России, как и в других государствах мира (за очень редким исключением!), проживает не “многонациональный народ”, а “многонародная нация”, что, видимо, и было бы правильнее записать в Конституции, если уж политика так нуждается в понятии-слове “нация”.

Не представляя собой научную категорию, “нация”, однако, сегодня сохраняется в языке политического соперничества. В обозримом будущем большие права на использование этого слова, очевидно, будет иметь та форма социальной группировки, которая обладает большей властью. А таковой в паре “этническая общность - государство” обладает последнее как единственная допускаемая пока самими людьми по общему согласию форма применения легитимного насилия и обладающая для этого соответствующими

институтами, ресурсами и правовыми текстами. Государственная общность как более жестко оформленная территориальными границами и фиксированным гражданством коалиция имеет больше оснований называть себя нацией, чем коалиция, основанная на этнической идентификации, с ее постоянно конструируемым содержанием, взаимопроникаемыми границами и множественной лояльностью. Понятие гражданства нации более приемлемо для членов многоэтнических политических сообществ и менее конфликтно, чем длительно насаждавшееся советскими учеными и поныне широко разделяемое политиками понятие этнонации.

Однако государственными декретами это понятие, конечно, не может и, видимо, не должно быть демонтировано. То же касается и самого явления этнонационализма в обоих его вариантах - гегемонистском и периферийном²⁷. К тому же последний вариант в своих неэкстремистских культурных и политических формах играет позитивную роль, содействуя, в частности, в России децентрализации власти и сохранению культурной отличительности и целостности групп. Этнонационализм, будучи антиподом основанного на правах человека гражданского общества, в настоящее время компенсирует недостаток демократии и общегражданских лояльностей. Он может быть ослаблен или устранен только через улучшение социальных условий существования и общественного правления в рамках доктрины культурного плюрализма и принципа “единства в многообразии”.

Самым серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от имени “русской нации” как некой “государствообразующей”

или “сплывающей” нации, да еще превращающей ее в некий “супер-этнос”. Казалось бы, будучи ближе всего к реализации наиболее приемлемой формулы России как государства, категория “русской нации” закрывает возможность открыто сформулировать понятие России как политической нации. Кстати, категория “русской нации” в ее этническом смысле - сравнительно недавняя элитная конструкция, а откровенный шовинизм части политических активистов - это вообще явление самых последних лет. Никто за всю историю государства не ставил перед собой цель изложить “Русскую идею на языке законов России”, как это сделал Комитет по геополитике Государственной Думы, организовав специальные слушания по данной теме в октябре 1996 года. Рекомендации этого комитета прямо направлены против использования терминов “россияне” и “российский народ” как “неологизмов” и требуют их замены на “русских” и “русский народ”. Самоопределение русской нации на основе принципа “вся Россия для русских” и воссоединение русской нации-представляются как наиболее насущные политические задачи. Это - крайне невежественные и провокационные взгляды. В одном идеологи ЛДПР правы: Россия - “это государство мононациональное и полиэтническое”: но только нацией в ней следует называть российскую нацию, т.е. граждан России, именно эту и только эту идею возможно изложить на языке законов. Что же касается русских, то до сих пор подавляющее большинство российских граждан, считающих себя русскими, коль скоро такой вопрос ставится перед ними политическими предпринимателями, вполне обходится не менее достойным термином “народ”. Поэтому вопрос о гражданском нации-стро-

ительстве не имеет никакого отношения к “ликвидации” или “отмене” “национальностей” и “этносов” в России, а уж тем более к вопросу сохранения и развития культурного многообразия России. Это вопрос таких же целенаправленных доктринальных усилий по утверждению не исключающей этническую принадлежность общегражданской идентичности, без которой не может существовать ни одно государство. Потому что государство - это не только границы, институты и правовые декларации, но и то, что в качестве представления существует в самих людях. Если такого представления как одной из доминирующих идей нет, то нет и государства.

Собственно говоря, если учитывать уже выполненные представительные и многократные этносоциологические замеры, такая доминирующая форма идентичности и лояльности в России существует, несмотря на частично сохраняющуюся советскую идентичность и растущий культурно-региональный партикуляризм²⁸. Вот только выразить этот феномен в грамотных и политически ориентированных формулах наше обществоведение и большая политика до сих пор никак не могут, цепляясь за старые молитвы.

На мой взгляд, в России пришло время устранить лексику этнонационализма хотя бы из языка науки и перейти к общеразделяемым методологиям и терминологии, в том числе и к более глубокому и чувствительному пониманию феномена этничности. Последнее есть сложный комплекс характеристик, чувств и индивидуально-коллективистских стратегий, не разобравшись в котором академическое сообщество порождает не только общественную нетерпимость, плохое управление и трагические коллизии, но и неоправданные антагонизмы в собственной среде.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ю. В. Бромлей. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики. "Советская этнография", 1989, №6, с. 3-17.
2. См., например, Э. А. Баграмов. Национальная проблема и обществознание. "Правда", 14 августа 1987; С. Калтахан. Национальное и интернациональное. "Труд", 28 апреля 1988.
3. В. А. Тишков. Тупики национальной государственности. "Правда", 4 сентября 1990.
4. Резолюции XVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990, с. 18-22.
5. XXVIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Заседание секции "Национальная политика КПСС". Бюллетень для делегатов съезда. М., 1990, с.30.
6. См., например: *Hurst Hannum. Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination. The Accommodation of Conflicting Rights.* Philadelphia, 1992; *Hurst Hannum. The Right to autonomy: chimera or solution? Ethnicity and Power in the Contemporary World.* Eds. Kumar Rupasinghe and Valery Tishkov. Tokyo - N.Y., 1996, pp. 287-295.
7. См. текст моего доклада на Всемирном конгрессе историков в августе 1995 г. в Монреале: В. А. Тишков. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект). "Исторические записки", Т.1 (119). М., 1995. С. 117-171, а также, возможно, наиболее точный анализ истории советской национальной политики, сделанный зарубежным ученым: *R.G.Sunry. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union.* Stanford, 1993.
8. См.: Федеративный договор. Документ. Комментарий. М., 1994, с.5.
9. См. последний, значительно улучшенный вариант: "Государственная программа национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России (основные направления)". М., 1994.
10. П. Абдулатипов. О федеративной и национальной политике Российского государства. М., 1995, с.14. Версия об абсолюционистской позиции перешла и в ряд зарубежных изданий. См., например: *Victor Kremenyuk. Conflicts In and Around Russia.* Westport, 1994, p.10; *Fiona Hill. "Russia's Tinderbox". Conflict in the North Caucasus and its Implications for the Future of the Russian Federation. Strengthening Democratic Institutions Project Report.* Harvard University, September, 1995, p.33; *Gail Lapidus and Edward Walker. Nationalism, Regionalism, and Federalism: Center-Periphery Relations in Post-Communist Russia. The New Russia: Troubled Transformations.* Ed. by Gail Lapidus. Boulder, 1995, p.117.
11. П. Абдулатипов. Указ.соч. С.20.
12. Жан Тощенко. Концепция опять не состоялась. "Независимая газета", 11 апреля 1996.
13. См. его интервью в "Независимой газете" от 4 июня 1996.
14. См.: *Hurst Hannum. Rethinking Self-Determination. "Virginia Journal of International Law", V.34(6), N 1, Fall 1993, p.1-69.*
15. О господствующей идее государства в период территориальных трансформаций см.: *Ian Lustig. Unsettled States, Disputed Lands: Britain and Ireland, France and Algeria, Israel and the West Bank-Gaza.* Ithaca, N.Y. and London: Cornell University Press, 1993.
16. *Liah Greenfeld. Ethnically Based Conflicts: Their History and Dynamics.* Paper presented to International Seminar on Ethnic Diversity and Public Policies. New York, 17 August 1994.
17. *Timothy Sisk. Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts.* Washington, DC: United States Institute of Peace, 1996.
18. См. результаты обширных социологических исследований, выполненных в 1993-1995 годах Ю.В. Арутюняном, М.Н. Губоголо, Л.Д. Гудковым, Л.М. Дробижевой, В.А. Ядовым.
19. Анализ текстов деклараций о суверенитете, принятых в российских республиках в 1990-92 годах, см.: В. А. Тишков. Федерализм в национальном и многонациональном государстве. "Межнациональные отношения в России и СНГ". Семинар Московского Центра Карнеги, вып.2. Доклады 1994-1995. Ред. Г. Бордогов, П. Гобл. М., 1995, с.157-173.
20. См.: *Timothy Sisk. Op. cit.; Arend Liphart. Democracy in Plural Societies.* New Haven, 1977; *Crawford Young. The Pising Tide of Cultural Pluralism: The Nation-State at Bay?* Madison, 1993.
21. *O'Leary, Brendan & John McGarry. Regulating Nations and Ethnic Communities. Nationalism and Rationality.* Eds. Albert Breton, Gianluigi Galeotti, Pierre Salmon, Ronald Wintrobe. N.Y. - Melbourne: Cambridge University Press, 1995, pp.245-289.
22. *Wright, Susan. Anthropology: Still the Uncomfortable Discipline? The Future of Anthropology. Its Relevance to the Contemporary World.* Eds. Arbar S. Ahmed and Cris N. Shore. London and Atlantic Highlands, N.Y.: Athlone, 1995, pp. 65-93.
23. *Easter, Gerald M. Personal Networks and Post-revolutionary State Building. Soviet Russia Re-examined. "World Politics", vol. 48, July 1996, pp. 551-578.*
24. *Brubaker, Rogers. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account. Theory and Society, 1994, vol. 23, N 1, pp. 47-78; Lane, David. The Gorbachev Revolution: the Role of the Political Elite in Regime Disintegration. Political Studies, 1996, vol. XLIV, N 4, pp. 4-23.*
25. См.: *Valery Tishkov. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union.* London: Sage, 1997.
26. *T. H. Eriksen. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives.* L., 1993, p. 105.
27. Анализ этих двух типов см.: *Valery Tishkov. Post-Soviet Nationalism. Europe's New Nationalism. States and Minorities in Conflict.* Ed. by Richard Caplan and John Feffer. New York - Oxford: Oxford University Press, 1996.
28. М.Н. Губоголо. Развивающийся электорат России. М., ИЭА. 1996; Л.М. Дробижова, А.Р. Аклаев, В.В. Коротева, Г.У. Солдатова. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., Мысль, 1996.

Подписано к печати 412 96 Тир. 250 экз. 100 Печ. л. 2.5
Заказ № 33
УОП Института этнологии и антропологии РАН